

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, two figures are seen from behind, looking out over a vast, mountainous landscape. The figure on the left is wearing a red hooded cloak and has a sword on their back. The figure on the right is wearing a dark green cloak. Between them is a small, white, dog-like creature. To the left, a large tree with bright red blossoms (possibly cherry blossoms) frames the scene. The background features steep, rocky mountains with patches of snow and a cloudy sky. The overall style is reminiscent of classic fantasy or adventure book covers.

Иван Быков

Братство РЕВОЛЮЦИОННОГО Декаданса

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Быков

**Братство РЕволюционного
Декаданса**

«Автор»

2026

Быков И.

Братство РЕволюционного Декаданса / И. Быков — «Автор»,
2026

«Братство Революционного Декаданса» («БРеД») – третья, заключительная часть триптиха «Змее-Week», повествующего о мирах Трилоки. В романе «Унаги с маком» читатель познакомился с Конторой Раджаса, огненного мира позитивных деяний. Вместе с агентом Раджаса Нагом Нестором принял участие в апокалиптической битве у Белого ясеня. В романе «Бюро Вечных Услуг» Нестор потерял друга и Наставника, но сумел разоблачить козни Германа, спасти сына и найти-таки свою кошку Ка-Цэ. Конечно же, не без помощи мира светлых замыслов Саттва. В третьем, заключительном, романе «Братство революционного декаданса» Нагу Нестору и его проводникам предстоит спуститься в темное хранилище памяти, в мир Тамас, и отыскать секрет древнего смертоносного оружия – «Молота Нагов».

© Быков И., 2026

© Автор, 2026

Иван Быков

Братство РЕволюционного Декаданса

Братство Революционного Декаданса

(БРеД)

(20 июня 2016)

Кормите своих демонов. Нажимайте до пола педаль акселератора, целуйте до боли в скулах желанных женщин, делайте татуировки, бейте стаканы об стены и морды хамам, распевайте пьяными песни на улицах, прыгайте с парашютом и улыбайтесь детям в соседних машинах через стекло автомобиля. Кормите своих демонов, потому что ваши демоны это и есть вы. Вы настоящие, не пастеризованные, не рафинированные, не дистиллированные и не профильтрованные моральными устоями, семейными ценностями, общественным мнением, отеческим порицанием. Кормите их, иначе они съедят сами себя и останется лишь обертка от того, чем является человек. Эпидермальная оболочка личности, надутая комплексами, а не чувствами, нереализованными желаниями, а не эмоциями и несбыточными фантазиями вместо уверенности в себе. Кормите их, и не ждите, пока они сами, без вашего ведома и желания в один момент вырвутся наружу. Разорвут вашу душу, и, ярко вспыхнув от переизбытка кислорода, сгорят навсегда или увлекут вас на самое дно, где вы станете вечным исполнителем своих пороков, а не режиссером своих авантур. Кормите своих демонов, а не стыдитесь и не бойтесь их. Пусть их боятся другие, те, чьи демоны давно мертвы.

Ксенька Гук

ПРОЛОГ

Вот такой крик в социальной сети. Крик обыкновенной девушки из небольшого городка, амбициозной, деятельной, креативной. Забавный крик, пронзительный. Девушка написала, воскликнула «Sic volo!», «Так хочу!». Бросила волеизъявление в податливую ткань Вселенной. И вдруг закружилось все, исполнилось.

Каждый из нас маг. Не знали об этом? А ведь есть еще и Наги, и Драконы. Да и маги бывают разные. Есть, например, городские маги, с которыми лучше и чище не встречаться, но это уже другая история.

И вот завертелось, исполнилось. Пьяные подростки, юноши, мужики да старики стали горланить на улицах непристойные песни, бить о стены (и не только – где уж там отличишь стену от иных акциденций?) стаканы и бутылки, а также кровавить морды хамам – то есть каждому, кому не нравится, что под его окнами поют пьяные песни, а в его стены и окна летят стаканы.

Желанных женщин стали целовать до боли в скулах, причем чаще всего – против воли этих самых желанных женщин. Втопленные до пола педали акселератора стали причиной множества травм и смертей, превратили движение на дорогах в хаос.

Наплевать на моральные устои, на семейные ценности, на общественное мнение и отеческое порицание! Это ведь наши демоны! Пусть их боятся другие. Те, чьи демоны давно мертвы.

«Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом», - гласит категорический императив Канта. Поступай, а значит и думай, и говори, и уж тем более пиши. Мы зачастую забываем об ответственности сказанного, написанного и сделанного. Где уж нам до Великой Ответственности Драконов за все, происходящее во Вселенной?

Это безумное, эгоистичное, безответственное «Я так хочу!», брошенное в небо, умноженное на количество вот таких волеизъявителей, может в одночасье накормить всех демонов, вместе взятых, и превратить наш мир в демоническое пастбище. И тогда наша Взвесь неминуемо осядет илом.

Амеба, целиком и полностью состоящая из селфи, думает, что познала счастье, потому что делится. Делится на части, расщепляя куски собственного тела по питательному субстрату, полагая таким образом начала новых примитивных жизней. И каждая новая амеба, напичкав подобие души порциями жирного, калорийного, соусированного и ароматизированного селфи, делится своим креативом в социальных сетях, на страницах форумов и блогов, - везде и всюду, куда могут дотянуться ее псевдоподии, отчаянно, экстатически лупящие по кнопкам клавиатуры. И вновь - по расползающимся кругам - распространяются ошметки этой субстанции и липнут к другим амебам, чьи разумы, чьи вдохновенные порывы унылы и бесплодны, чьи порывы не могут порождать ничего, кроме очередного селфи, поскольку облучены тем, что один известный писатель назвал боевым НЛП...

Когда амеба делится особенно активно, она создает тренд. Они создают новый тренд, новую культуру. Культуру агрессивную, расползающуюся мазутными пятнами, что убивают все истинно живое. Стоит расслабиться, отвлечься на век-другой, и не заметишь, как твоя Взвесь осядет мутным илом. Носители прежних культурных ценностей вдруг становятся мамонтами - их время ушло. Но между ними, мамонтами, возникает некая взаимосвязь, братство. Это братство – последний бастион, который противостоит революции амеб, агрессии культурного упадка.

Одинокий путник замер на берегу болота. С тоской обозрел непроходимые массивы бурой, поросшей мхом жижи и задался триадой онтологически неизбежных вопросов. Могу ли? Хочу ли? Должен ли? Постоял, подумал, отбросил сомнения и дал сам себе ответы. Должен, могу и хочу. Ведь тот, кто сказал «хочу», уже задумался о «могу», а далее только один путь – в исключительное «должен».

Вновь и вновь спускаются Наги на самое Дно, вновь и вновь воспаряют Драконы к самому Небу, чтобы сохранить эту Взвесь от многочисленных волеизъявлений, таких ярких, таких заводных, таких манящих и таких безответственных.

Много вопросов, мало ответов: задавший вопрос пробудил в себе Дракона, ответивший на вопрос – погубил его. Не будем губить Дракона? Не будем. Тем более, уже стучат каблочки судьбы...

ПОНЕДЕЛЬНИК

1.

Каблочки размеренно стучали по паркету. Этот стук был слышен на другом конце длинного коридора, он пронзал тишину девятого этажа офисного здания. На этаже работало множество людей, но все они прятались за тяжелыми, звукоизолированными дверями студий, над каждой из которых пылали электрические мантры: «Тихо! Идет вещание!» или «Тихо! Идет запись!». Поэтому коридор был пуст и целомудренно тих в те минуты, когда паркет оживал и начинал благодарно откликаться на точечные удары металлических набоек.

Случалось это ежедневно: каблочки начинали стучать без двух минут девять – цок-цок, и секундная стрелка больших настенных часов, стилизованных под уробороса, змея-поедателя собственного хвоста, перескакивала на одно деление. Два удара по паркету – и еще одна Вселенная сжималась в компактную секунду, секунда же уходила в вечность, архивировалась и становилась пленницей Тамаса.

В эти две минуты директор замирал, околдованный и беспомощный, - директор мог лишь ждать, затаив дыхание, отставив чашку ароматного кофе, - ждать приближения этого неумолимого «цок-цок». Сто двадцать секунд, двести сорок шагов. И даже пульс сердца в эти минуты синхронизировался с этим уверенным ритмом, похожим на ритм медицинского прибора, благодаря которому пациент находит успокоение и забывает о своих недугах. Забывает и начинает видеть сны. Сны, вызванные стуком каблучков по паркету за две минуты до пробуждения...

Высокая, стройная от природы женщина, в элегантном и простом черном платье, без тени улыбки на лице, вошла в кабинет директора ровно в девять утра, как уже без малого шесть лет входила в эти открытые двери каждое утро буднего дня, - без отпусков, без пропусков даже по самым уважительным причинам, без опозданий. Вошла и присела без приглашения на стул для посетителей, положив на стол руководителя внушительную папку дневных материалов, - папку неизменную по объему и неизбежную по содержанию.

Собственно, женщина не нуждалась в приглашении – такова была ее работа, сложная, интересная, претенциозная: каждое утро приносить материалы, которые после утверждения в стенах этого кабинета продолжали свой путь либо в руки корректоров и далее - в эфир, либо в архив на будущее, либо в мощный уничтожитель бумаги.

Конец июля выдался жарким. В помещении работал кондиционер, окна были закрыты, а потому все запахи не выносились сквозняком в коридор или в пространство городка, а переплетались в единый узор, сливались в плотное облако: аромат кофе, терпкий букет коньяку, кислинка лимона, тон мужского парфюма. Вместе с женщиной тихо зашелестела волна летнего утреннего бриза. Облако ароматов вздрогнуло и благодарно приняло, впитало в себя новую, свежую ноту. Минуту молчали.

- Что сегодня? – очнулся директор.

- Лауреаты, - ответила женщина.

Она сложила руки на коленях, развела плечи, что сделало ее безупречную осанку чуть демонстративной. Это говорило о внутреннем напряжении: вопрос предстояло решать не в первый раз, обе стороны в споре позиции имели прочные, убеждения неизменные, но обсуждение данной темы стало уже своеобразным ритуалом, без которого работа делалась невыносимой, поскольку теряла сокровенную суть.

- Их? – уточнил директор.

- Нобелевские, - подтвердила женщина. И добавила нокаутирующим ударом:

- Плюс «Оскар».

Директор вздохнул и откинулся на спинку массивного кожаного кресла. Кабинет был невелик, а потому кресло это выглядело несколько громоздко. Вновь на минуту воцарилась тишина.

- Лариса, - наконец вздохнул руководитель, - даже рыба на одну приманку дважды не идет.

- Вы рыбак, Нестор Иванович? – невозмутимо спросила женщина.

- Нет, - улыбнулся Нестор Иванович. – Ловить рыбу не люблю и не умею. Я образно. Мог бы сказать «опять двадцать пять» или «снова на одни и те же грабли»...

- Я поняла, - Лариса даже не кивнула; она ждала продолжения ритуала.

- Вы же понимаете, что любой вывод информации в эфир, - неважно, позитивна ли подача или негативна, - последовало традиционное продолжение, - так вот, любой вывод информации в эфир является рекламой. Почему наш канал должен способствовать внедрению этого информационного вируса?

- Совершенно согласна, - теперь Лариса все-таки кивнула. - Любой вывод информации в эфир – реклама. Я бы даже сказала - пропаганда. Любая номинация – инструмент.

- Оружие! – усилил директор.

- Оружие, - вновь кивнула Лариса. – Речь идет о любой номинации. А потому не вижу причин для некоего избирательного отношения. Их, наши – кто компетентно может провести демаркационную линию?

- Лариса, не ёрничайте, - на этой стадии спора Нестор использовал всегда одни и те же аргументы, меняя только метафорическую оболочку. – Как можно сравнивать антикварный меч в червленых ножнах, дамасский клинок на стене коллекционера, раритетную рейтарскую

саблю под стеклом в музее с финкой в руках бандита, со стилетом или ронколой в руках убийцы-каморриста или с навахой в руках баратеро?

- Вы разбираетесь в холодном оружии? – скорее констатировала, чем спросила Лариса.

- У меня отец – антиквар, - пояснил Нестор Иванович. – Да и сам я пару лет занимался ножевым боем. В качестве хобби.

- Вы разносторонний человек, - похвалила Лариса. – Но метафора мне не ясна. Просветите, будьте добры.

- Различие в том, - с готовностью пояснил Нестор, - что коллекционные, музейные экспонаты содержаться в хорошем состоянии, отточены и готовы к применению. Но их назначение – лишь демонстрация силы; они скрывают в себе потенциал, скорее, эстетические, чем прикладные. А все эти засапожные и запазушные ножи – оружие коварное, их лезвия омыты кровью, а рукояти согреты теплом недобрых ладоней.

- Сложно и спорно, - не улыбнулась Лариса. – Так что будем делать с лауреатами? Про рыбу и наживку я уже слышала. Познаниями в области холодного оружия Вы меня поразили. Но вопрос нужно решать. Эфир ждать не будет.

- Наш – будет, - не согласился Нестор. – Канал «Nestor de Liver!» не новостной. Нам торопиться некуда. Наша задача – формировать концепт. Вернее, противостоять формированию концепта...

- Я помню, - Лариса поняла, что и в этот раз одержала победу, осанка ее вновь стала безупречно-естественной. – Мы часто говорили об этом с Киром.

- О чем? – уточнил Нестор.

- О деиндоктринации, - Лариса произнесла термин легко, он явно был в ее активном лексиконе. – И о том, что индоктринация – это антоним Наговой инициации. Но, насколько я помню, время еще не пришло.

- Не пришло, - кивнул Нестор.

Он смотрел на платье Ларисы, черное элегантное платье. Каждый год в этот день, в самом конце июля, Лариса надевала черное платье. Нестор так и не разобрался в полной мере, какова была официальная версия Конторы об исчезновении Кира. Но если жена носит траур, значит, надежд ей не оставили никаких.

Одно время Нестор был на перепутье: рассказать или не рассказать. Документы о неразглашении были подписаны, обещания даны, клятвы принесены. Но Кир был не просто другом – он был Наставником. И Нестор всерьез подумывал о том, чтобы передать от него весточку супруге. Как-то, спустя несколько дней после изгнания Наставника, Нестор попытался найти путь через Раджас в новое жилище Кира. Но было поздно: дом, в котором Кир и Майечка нашли пристанище, был уже локализован в альтернативной Взвеси. А в другие Взвеси путь заказан всем, даже Нагам Пятого дна. Можно было бы обратиться к одному знакомому Дракону, тем более, что этот новоинициированный Дракон и сам некогда провел ночь в том же самом доме, но Драконы не вмешиваются в дела Взвесей. Дилемма «рассказать или не рассказать?» разрешилась сама собой – в пользу долга и обязательств перед Конторой.

И вот уже шесть лет Лариса надевает черное платье в этот жаркий июльский день. И нет на ее лице улыбки, и традиционный спор в девять утра в этот день лишен шуток и отличается особенной жесткостью. Нестор вздохнул и смирился.

2.

- Так что там у нас по лауреатам? Начни с Нобелевской премии.

Лариса уверенно распахнула папку в нужном месте, но заговорила, даже не глянув на страницы.

- Как Вы знаете, Нестор Иванович, вручение Нобелевской премии осуществляется десятого декабря, ждать еще пять месяцев. Но Комитет уже разослал три тысячи официальных запросов...

- Это же секретная информация, - Нестор сказал это больше для поддержания темпа разговора; он был прекрасно осведомлен о тех источниках, через которые информация поступала в аналитические службы «Nestor de Liver!».

- Безусловно, - Лариса не улыбнулась, но глаза ее и губы отчитались: шутка принята и оценена. - Так вот, здесь мы можем увидеть интересные персоналии.

Нестор благодарно кивнул: Лариса сделала своеобразный, весьма тонкий реверанс в сторону принципиальной позиции своего руководителя. Она так и сказала: «можем увидеть интересные персоналии», задав в винительном падеже неодушевленное управление дополнением. Она говорила о вещах, не о людях.

- Например? - Нестор потянулся за кофейной чашкой. Для этого ему пришлось сесть в кресле более ровно, что сразу же придало беседе характер серьезного делового общения. Кофе совсем остыл, и Нестор допил его лишь из уважения к изрядной толике содержащегося в чашке коньяку.

- Формат вещания нашего канала специфичен, - Лариса не напоминала, Лариса просто собиралась с мыслями. - Потому нас не так интересуют медицина, физика, химия, экономика, как литература и содействие установлению мира. А также введенная в прошлом году номинация за содействие в распространении демократии. По всем трем позициям наши аналитики не ошиблись.

- Значит, главный в мире демократ... - начал Нестор Иванович.

- Президент-губернатор Калифорнии, - закончила Лариса. - Он наберет вдвое больше голосов, чем президент-рейнджер Техаса.

- Что и требовалось доказать, - кивнул Нестор. - А премия мира...

- А премию мира конунг Северных республик вручит нашему наследному президенту. Как мы и предсказывали, инфант уверенно обходит Генерального секретаря Объединенной Кореи и даже Его Величество царствующего президента. Генсека подвел буддизм, а Его Высочество вручила принадлежность к мусульманской конфессии.

- Как изменился мир за последние шесть лет, - вздохнул Нестор.

- Не думаю, - пожала плечами Лариса. - Мир всегда меняется. В большей или меньшей степени. Вам ли не знать, Нестор Иванович? И Вы как сотрудник Конторы, и Ваши концептуальные оппоненты немало влияете на непрерывный процесс перемен. Вы храните интересы. Взвеси, иерофанты блюдают свои личные интересы, и это перманентное противостояние детерминирует судьбы нашего мира. Расставляет фигуры на геополитической доске. Да что там! Эта ваша игра перекраивает саму игровую доску.

- Как сложно вы заговорили, Лариса, - искренне удивился Нестор.

- Муж научил, - Лариса изобразила подобие улыбки - сухой, дежурной, безэмоциональной. - Кстати, Нестор Иванович... - Лариса тронула кончиками пальцев неглубокое декольте платья. - Нестор Иванович, на улице за сорок.

- Да, лето выдалось жарким, - Нестор не мог не согласиться.

- Сделайте что-нибудь, - Лариса встала, подошла к окну и глянула на маленький городок, который с высот девятого этажа был открыт взору в той части, что простиралась от офисного здания до самого моря.

- Что же я могу сделать? - удивился Нестор.

- Призовите дождь! - сказала Лариса не оборачиваясь. - Тропический ливень на весь день. А лучше на два. Пусть прибьет пыль, разгонит комаров, подарит свежесть. Чтобы залило весь город, чтобы транспорт прекратил движение, чтобы моторы захлебнулись в потоках, чтобы воздух - пусть ненадолго - очистился от выхлопных газов, а улицы - от людей...

- Чтобы улицы очистились от людей? – переспросил Нестор, удивленный таким неожиданным выплеском мизантропии.

Лариса кивнула:

- Пусть сидят дома и смотрят в окна.

- Уж лучше пусть смотрят наш канал, - улыбнулся Нестор.

- Можно и так, - легко согласилась Лариса. – Так Вы призовете дождь?

- Что Вы, Лариса? Разве это в человеческих силах? – Нестор даже развел руками.

- Но Вы же не только человек, Нестор Иванович, - напомнила Лариса. Она наконец повернулась и взглянула своему руководителю в глаза. - Вы же еще и Наг.

- Даже как Наг я этого сделать не могу, - Нестор тоже глянул за окно. С кресла он видел только крыши более низких зданий под цветной черепицей. Крыши дышали жаром: воздух над ними заметно струился. «Действительно, как было бы хорошо, если бы нынче хлынул ливень», - подумал Нестор.

- Да? – разочарованно вздохнула Лариса. – А Кир мог. Иногда он делал мне такие подарки. Он знал, как я люблю дождь.

Нестор взглянул на свою незаменимую сотрудницу – Лариса не шутила: видимо, Кир действительно имел власть над погодой и мог призывать дождь по собственному желанию. Или по желанию супруги. Нужно будет спросить у Эрика. Но тот наверняка отшутится одной из своих невозможных поговорок. Скажет что-то вроде «Ты же Наг? Так забейся в щелку и жди погоды» или «В плохую погоду Наг и змейку из Раджаса не выгонит». Юморист Седьмого дна. Одно слово – силовик.

3.

- Что сёгунат? – Нестор вернул разговор в деловое русло.

- Сёгунат Японии и Его Императорское Высочество Принц Хитаки, как обычно, вручат ежегодные премии в номинациях живопись, скульптура, архитектура, музыка, театр или кино, - с готовностью откликнулась Лариса. - После распада Соединенных Штатов на президентства и ликвидации всех западных военных баз на территории Японии, вручение этих наград утратило политическую ангажированность. Культура Японии ныне переживает период реставрации. Наркотическая зависимость молодежи от массовой культуры Запада практически ликвидирована. Поэтому сёгунат Японии уже третий год старается номинировать по всем позициям японских, китайских, корейских или индийских авторов. Вот здесь информация на трех листах, - и Лариса раскрыла папку в нужном месте.

- Политическая ангажированность в номинациях такого масштаба всегда есть, - заметил Нестор, подозрительно покосившись на папку. Он не стал изучать досконально – доверял своим сотрудникам. – Так что весь материал по номинациям Нобеля и сёгуната отдайте Зурабову. Это его парафия. Что с «Оскаром»?

- Как Вы помните, два года назад Голливуд объявил о независимости. Кинопремия стала откровенным товаром. Совет президентов Трансатлантического Содружества...

- Трансы? – улыбнулся Нестор.

- Да, - недовольно поморщилась Лариса, - в просторечье Трансы. Их совет пытался вернуть политическое влияние, но Pontifex Hollywoodus, мягко говоря, задал им маршрут в навигаторе, указав пункт прибытия. И запросил денег. Чем спутал всю нашу прошлогоднюю аналитику. И пришлось им платить.

- А в этом году? – поинтересовался Нестор.

- В этом году все будет проще, - заверила Лариса. – После совместного заявления канцлера Баварии, короля Каталонии и диктатора Франции Pontifex Hollywoodus решил пойти на некоторые уступки, снизил цены, и теперь даже эти небольшие государственные экономики

могут позволить себе масс-медийного идола. Так что в этом году из немецких актеров выдвинули Анетту Шварц, а Францию будет представлять Дэни Бун. По другим номинациям...

- Не стоит, - жестом остановил Нестор поток информации. – Оскароносцев передайте Павлу Стрельцову. Пусть Макс и Паша составят для Лизы роскошное повествование из двух частей в двадцатиминутном формате. И, как обычно, - раз в два часа в эфир. Что у нас?

- Выставки, конкурсы, фестивали, биеннале и триеннале – по всем направлениям искусства. Вот интересная информация: губернатор Ливийско-Сирийского автономного округа запросил из федерального резерва немыслимую сумму на расширение экспозиции Пальмирского краеведческого музея. Какой-то титанический проект по переносу в музейный парк двух египетских пирамид. И наши – или Ваши – аналитики прогнозируют, что федеральный центр свое согласие даст.

- Смеяться ли? Плакать ли? – задумчиво произнес Нестор. Он хотел увеличить утреннюю порцию коньяку, но при Ларисе, всегда собранной, деловой, трезвой, такой жест казался неуместным.

Но Лариса потому и была незаменимой сотрудницей, что умела понимать желания руководителя с полувзгляда. Она плавно (цок-цок) переместилась от окна к офисному шкафу со встроенным баром, изящным жестом открыла дверцу, потом беззвучно – пробку и плеснула ароматный напиток «на два пальца» в широкую коньячку. Еще одно плавное перемещение (цок-цок), и коньячка уже стояла на директорском столе.

Нестор Иванович благодарно глянул на Ларису снизу вверх, пригубил осторожно и тут же смутился, потупился, как провинившийся школьник. Затем собрался и решительно проявил готовность работать:

- Что с тенденциями?

- В театре все печально, - и Лариса проиллюстрировала печаль вздохом. – После абсолютной легализации порнофильмов театральные подмостки отреагировали почти мгновенно. Классический театр бросил якорь в прошлое и безапелляционно противопоставил себя театру современному. Экспериментаторы же пустились во все тяжкие. То, что нынче искусствоведы и критики стыдливо называют эротеатром, уже почти ничего не имеет от эротики, зато все больше от порнографии: бессюжетность, несколько камер на сцене, чтобы проецировать крупные планы на большие экраны, развешанные по зрительному залу... Кроме того, на сцене оказалось возможным реализовать вещи, экстремальные даже для порно.

- Например? – заинтересовался Нестор.

- Ну, БДСМ-постановками теперь уже трудно кого-то удивить, - Лариса взглянула в папку, как бы сверяясь со списком. – Вот, например, фурри-арт-постановки в формате йифф – это не из нового. Скажем, из новолегализованного, поднявшегося из глубин андеграунда.

- Поясните, - растерянно попросил Нестор. - Термины совершенно незнакомые. Я не настолько, к стыду своему, погружен в театроведение.

- О! эти понятия никакого отношения к искусству не имеют, - Лариса наконец улыбнулась широко, открыто, как только она умела это делать в другие дни, свободные от поминовения Кира. – Речь идет о сообществе антропоморфных животных. «Furry» в переводе с английского – пушистый, мохнатый, покрытый мехом. А «yiff» - это звукоподражательное междометие. Имитирует поскуливание, подлаивание. В сообществе фурри раскрывает исключительно сексуальный аспект отношений.

- Зоофилы, что ли? – брезгливо поморщился Нестор.

- Не совсем, - возразила Лариса. – Правда, на сцене современного театра выглядит именно так. Но это не самое страшное. Недавно появились некротеатры, где роли покойников играют, естественно, живые актеры. Этакий новый вид актерского амплуа...

- Хватит! – чуть ли не испуганно остановил Нестор Иванович. – У меня коньяку не так много, чтобы все это переварить.

4.

- Кстати, - поспешила добавить Лариса, - большинство постановок интерактивны – актеры вовлекают зрителей в творческий процесс.

- Сомнительное творчество, - заметил Нестор.

- Искусство должно откликаться на требования времени, - пожала плечами Лариса.

- И наше время бросает искусству именно такие вызовы? – Нестор был раздражен: он упустил момент зарождения трансформаций; все изменения, о которых говорила сейчас Лариса, казались ему слишком резкими, неоправданными, пугающими.

- Время – это люди, - сказала Лариса ровно. – А люди всегда жаждали зрелищ.

- Но это же слишком! – возмутился Нестор. – Это уже не зрелища, это... - и он замаялся, не зная, что сказать.

- Это сплошная порнография, - Лариса закончила фразу вместо руководителя. – И тут не поспоришь. Зрелище в чистом виде.

- Но не искусство же! – не унимался Нестор.

- Любое зрелище рано или поздно назовут искусством, - заверила Лариса. – Современные идеологи считают, что искусство должно вызывать эмоции, не должно оставлять зрителя равнодушным. И с этой точки зрения порнография – самое что ни на есть то.

- Мы с Вами идеологи от искусства, - Нестор вновь пригубил бокал, теперь уже уверенно, с чувством собственного достоинства и без всякого стеснения. – Нам доверили эту роль. А мы, вместо того, чтобы диктовать собственную волю, только и умеем, что констатировать факты и комментировать уже свершившиеся события.

- Время еще не пришло, - напомнила Лариса. – Но мы не закончили с тенденциями.

- Есть еще что-то? Еще более... - Нестор возвел очи горе. – Еще более зрелищное?

- Напротив, - улыбнулась Лариса. – Полная противоположность. В мире театра родилось интересное явление. Режиссер-новатор назвала свое творение «Подмостки многословной статики».

- «ПМС», - автоматически сократил Нестор.

- Может быть, именно эта аббревиатура и стала ее путеводной звездой, - с серьезным видом согласилась Лариса.

- Что за чудо? – уточнил Нестор.

- Все в названии, - пояснила Лариса. – Гаснет свет, занавес, и на сцене – несколько актеров, замерших в определенных позах. После антракта состав актеров и их позы могут быть изменены в соответствии с творческим замыслом режиссера. Представления длятся два-три часа.

- И в чем суть? – Нестор действительно не сумел раскрыть для себя новаторскую идею.

- Суть в том, - пришла на помощь Лариса, - что зритель не просто созерцает неподвижные скульптуры на сцене, зритель погружается в сеттинг постановки, как бы впадает в совместный с актерами стазис. В это же время разум должен воссоздать сценическую картину по Станиславскому: откуда кто пришел, куда кто уйдет. Сколько зрителей в зале – столько оригинальных сценариев.

- В этом что-то есть, - задумался Нестор.

- Есть, - согласилась Лариса. – В любом творческом процессе можно отыскать рациональное зерно. Хотя... Хотя есть моменты, которые для меня все-таки остаются непрочтенными. Не могу разобрать творческий почерк.

- Например? – Нестор грел коньяк ладонью. Ему было хорошо.

- В живописи не так давно появилось новое направление. Супрареализм. Это не совсем живопись, скорее синтетический вид искусства.

- В наше время все виды искусства в той или иной мере синтетические, - сказал Нестор голосом мудрого суфия.

- Вы правы, Нестор Иванович, - не стала спорить с директором Лариса. – Так вот, супра-реалисты поступают следующим образом. Художник выбирает в лесу живописную поляну. Его помощники – группа людей – выливают на все предметы в пределах композиции тонны белой краски. На деревья, на траву, на поваленные стволы, на грибы и цветы, на пни и кочки. А потом вновь раскрашивают изгаженную краской поляну в естественные цвета, добиваясь максимального соответствия скрытому под краской оригиналу.

- Зачем? – поразился Нестор.

- Чтобы обратить внимание общественности на решение экологических проблем, - пояснила Лариса. – Они пытались так же рисовать животных, но дело хлопотное – натурщики ведут себя беспокойно. А усыплять животных не дают активисты из общества защиты. Поэтому супрареалисты ограничиваются полянами, натюрмортами и обнаженной натурой. Весь процесс они снимают на трехмерное видео, по окончании работы делают ряд снимков. Таким образом, в итоге – сразу несколько творческих продуктов: сама природная инсталляция, мини-фильм, фотографии-картины.

Нестор тяжело вздохнул. Затем спросил обреченно:

- У нас на руках есть образчики подобного творчества?

- Конечно, - кивнула Лариса. – Все, что было создано за последнее время. Есть интервью с художниками, содержащие их планы на создание аналогичных шедевров в будущем.

- Интервью – не нужно, - решительно запретил Нестор Иванович. – А несколько мини-фильмов – в эфир. Без указания авторства – нечего создавать имена этим...

- Художникам, - мудрая сотрудница поспешила уберечь своего руководителя от неосторожных горячих слов. – Есть еще одна интересная тенденция в живописи, теперь уже в портретном жанре.

5.

- Ну-ка? – Нестору казалось, что теперь он уже ко всему готов.

- Тыловой портрет. Или спинной – у критиков нет единства в терминологии. Выполняется в различных техниках, на различных основах и разными инструментами. Многие звезды кинематографа и шоу-бизнеса, видные политические деятели и даже лидеры государств заказывают тыловые портреты. Поэтому жанр для художников – многообещающий. Сулит известность, рукопожатность, обеспеченность.

- Расскажите подробнее? – попросил Нестор.

- Расскажу, - Лариса задумалась буквально на секунду. - Лет сто назад об этом виде творческого продукта писал Флоренский. Он говорил, что божий лик на иконе требует изображения анфас. Так портрет несет внутренний свет натуры в физический мир, за рамки картины, как бы выводит за себя. Тыловой портрет, по словам Флоренского, «в себя вводит». Он сравнивает такие изображения с черной зияющей дырой, в которой угасает текущая туда энергия. Такие портреты – черное солнце, очаг уничтожения.

- Зачем же их заказывают? – удивился Нестор в который раз за сегодняшнее утро.

- Именно поэтому, - пояснила Лариса. – Если предмет искусства не дает зрителю, а, наоборот, отбирает у него, то есть вероятность «отбить» вложенные в портрет активы. Хотя бы на метафизическом уровне.

- Мир сходит с ума? – Нестор попросил взглядом утешения, но Лариса была неумолима.

- Это перманентный процесс, - кивнула она. – И по-видимому, в мире слишком много ума, раз сумасшествие длится уже несколько тысячелетий.

- Хорошо, - смирился Нестор с неизбежным. – Тоже в эфир. И тоже без авторства. А вот натурщиков обозначьте. Пусть народ узнает своих героев даже со спины. И пусть Паша Стрель-

цов составит соответствующие комментарии для голоса за кадром, - распорядился Нестор. – Он умеет.

- Довести абсурд до абсурда? – понимающе спросила Лариса.

- Именно, - подтвердил директор.

Лариса сделала пометки в рабочем блокноте, закрыла внушительную папку и встала, давая понять, что с утренним отчетом на сегодня все.

- Минут за сорок я разнесу материалы по кабинетам ребят, - сказала она, как всегда говорила в половине десятого, - и буду у себя. Если нужен будет кофе, чай или долить, - Лариса кивнула на коньячку, и Нестору вновь стало стыдно, - то просто нажмите кнопку, - теперь Лариса указала взглядом на стационарный телефонный аппарат с кнопкой селекторной связи.

- Договорились, - улыбнулся Нестор. – А Вы без кнопки, просто заварите мне черного чая.

- Будет сделано, - отрапортовала Лариса и собиралась уже выйти из директорского кабинета, чтобы второй раз за сегодняшнее утро исполнить ноктюрн высоких каблучков, но Нестор остановил ее неожиданно для самого себя.

- Лариса...

- Да, Нестор Иванович? – сотрудница обернулась и выжидающе замерла.

- А не хотите ли почтить наш дом визитом? Посидим, поболтаем, я мангал распалю, вино откроем. Нина будет рада: к нам гости редко заглядывают. Она часто бурчит, что я «зарыл сокровище в глубинке»...

- Хочу, - согласилась Лариса не раздумывая. – Все жду: когда же пригласите? Мне нравится у вас – тишина, покой, воздух замечательный - смесь моря и полей.

- Собак у нас много бесхозных, - как бы извиняясь, заметил Нестор. - Лают часто и помногу.

- Собачий лай не нарушает тишины, - улыбнулась Лариса. – Главное, чтобы они кошку вашу не обижали.

- Как же! – усмехнулся Нестор. – Обидишь ее! Собаки всех трех племен чтят нашу Ка-Цэ как идола.

- Трех племен? – переспросила Лариса.

- Это неофициальное разделение. По генетическому признаку. Лисьемордые, коротколапые и длинноухие. Видимо, у них запрещены межплеменные браки. Браки переходят в драки, - попытался пошутить Нестор и сам себе напомнил Эрика, куратора, пришедшего на смену Наставнику Киру. - Так что, приедете?

- Обязательно! – заверила Лариса.

- В субботу? – обрадовался Нестор. – Часа в четыре?

- Давайте в пять, - скорректировала Лариса. – Будет не так жарко.

- Договорились! – еще раз сказал Нестор.

- И не забудьте, Нестор Иванович, - напомнила Лариса, - у Лизы сегодня День рождения. Цветы от Вашего имени уже в кают-компании. Подарок – в верхнем ящике Вашего стола.

Лариса вышла, и вновь по коридору деловым ритмом грянула звонкая капель стальных набоек. Нестор благодарно заглянул в ящик рабочего стола – там лежал небольшой параллелепипед. Он был упакован в подарочную обертку, стилизованную под старую газету, и перевязан бежевой лентой. Что именно пряталось в коробочке – не было никакой возможности узнать: Лариса таким образом корила директора за его забывчивость. «Барашек в ящике», - с улыбкой вспомнил Нестор незабвенного Экзюпери.

6.

Следующие несколько часов прошли, как обычно, - за чтением новостных лент и просмотром новостных видеорядов. Со стороны могло показаться, что директор погряз в безделье:

развалившись в кресле, он потягивал коньяк и почти бездвижно следил за экраном монитора, где мелькали строки, кадры, сюжеты. В эти часы Нестор пропускал через разум и чувства сотни мировых событий, делал пометки в блокноте и ждал. Ждал, когда в коробе плел золотом блеснет хлебное зерно. Он выискивал зерна интуитивно – что-то могло быть пропущено, что-то оказывалось лишним.

Затем предстоял следующий этап работы: между отобранными фактами, событиями, явлениями нужно было провести линии причинно-следственных зависимостей, определить мотивации, установить взаимосвязи. Нестор будто бы собирал огромный пазл, заполняя пустые ячейки. Он выстраивал целостную картину мира; анализировал настоящее, дабы быть готовым к предсказуемому будущему. Собственно, в этом и заключались его обязанности: предугадывать и оповещать. И его основная специальность – историк – оказалась в такой работе эффективным подспорьем. Как писал Джордж Оруэлл: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». То же можно было сказать не об управлении, а о знании.

Конечно же, предугадывал будущее Нестор не в одиночку – за его спиной работала целая армия аналитиков Седьмого дна. Без их незримой помощи Нестор не сумел бы очистить истину от скверны. В одиночку невозможно противостоять системе, основанной на недомолвках, утаивании, откровенной лжи, передергивании слов и фактов, на контекстуальных вырезках, на противных человеческому естеству изворотах.

Задачу оповещения призван был решать созданный Конторой шесть лет назад канал «Nestor de Liver!». Название оформилось совершенно случайно, в беседе с Киром, в тот самый день, когда Наставник и змейка Майечка были изгнаны в иную Взвесь. Английский глагол *deliver*, *доставлять (вовремя)*, распался на дворянское *de* и *Liver*, *помпроха*, в значении «суть событий». В общем, Кир решил поиграть словами, и у него, на взгляд Нестора, получилось.

- Мониторите? – раздался в дверном проеме почти детский голосок. В кабинет заглянула Лиза Довгая, ведущий диктор канала «Nestor de Liver!». Трудно было поверить, что этот голосок во время записи сюжетов становился глубоким, хорошо поставленным, профессиональным голосом экранного чтеца, а сама Лиза из веселой девочки превращалась в недостижимую, неприлично фотогеничную светскую львицу, мечту каждого зрителя.

Нестор Иванович приветливо встал навстречу своей бывшей ученице, а нынче – вдохновенной, ответственной, старательной сотруднице. Одновременно директор извлек жестом фокусника таинственный подарок из верхнего ящика стола.

- Со светлым праздником явления на свет! Сегодня мир сияет! – широко улыбнулся Нестор Иванович.

- Спасибо! - Лиза приняла коробочку совершенно естественно, без тени обычного в таких ситуациях смущения, - неважно, искреннего или показного. – Цветы просто замечательные! А я за Вами.

- На ковер к начальству? – серьезно спросил Нестор.

Лиза звонко рассмеялась.

- Да нет же! У нас перерыв сейчас. В кают-компании намечается небольшой сабантуй. Техники все позже соберутся – у них сейчас самый шквал работы. Только мы, втроем, - все Ваши. Паша, Макс и я. Заглянете? Без Вас никак нельзя начинать.

- Нужно официальное разрешение руководства, чтобы легализовать пьянку в рабочее время? – нахмурил брови Нестор Иванович.

Лиза снова рассмеялась, и ее веселое личико вмиг исчезло из рамы дверного проема – девушка умчалась в кают-компанию, комнату общего сбора, находящуюся в самом начале коридора. Умчалась бесшумно: хоть в прямой эфир (что, кстати, случалось крайне редко) и на запись диктор выходила на высоком каблуке, но тут же меняла туфли на мягкую спортивную

обувь, как только слышала «Стоп!», при этом совершенно не заботясь о стиле и сочетаемости вещей гардероба.

Нестор рассеянным жестом пригладил волосы (надо бы постричься), поправил ворот рубашки и направился следом за Елизаветой Довгой. По дороге он вспомнил – тоже рассеянно, краем сознания, - что Елизавета в переводе с древнееврейского означает «божья клятва», или «обет богу», или «почитающая бога».

Пусть в кают-компании пировали лишь три сотрудника, однако движение они создавали за все штатное расписание. Как в старые добрые школьные времена. Но надо отдать ребятам должное – свою неумную энергию они старались выплескивать почти бесшумно. Обязывала специфика деятельности: все-таки в некоторых студиях на этаже шла запись материалов для последующих трансляций.

7.

Первым из бывших учеников к Нестору Ивановичу пришел работать Макс Зурабов. Угрюмый максималист неожиданно для всех – для учителей, родителей, знакомых и старшего брата – решил стать психологом. Вряд ли он отчетливо представлял себе прикладное значение получаемой специальности, но выбор был сделан, документы, а затем экзамены сданы, и психологический факультет педагогического университета обрел нового студента. Уже на первом курсе Макс понял, что будущая специальность его – мыльный пузырь, наполненный воздухом легковесных слов и незафиксированных, размытых полужанров.

Один из лучших преподавателей, доктор наук, специалист с мировым именем, на вступительной лекции курса пропедевтики весело разъяснил слушателям, что работа психолога – это танец шамана, а следовательно может дать результаты только в случае обязательного доверия всех участников к самому процессу. Макс понял не сразу, записал прилежно этот постулат в конспект и уже дома вдумался в его сакральное значение. И тут же воспарил мыслию и делом над наукой психологией и над учреждением, где эту науку преподают. Другими словами, Макс с тех пор стал редким гостем на занятиях, экзамены при этом сдавал легко – за счет проснувшегося дара красноречия и (в редких случаях) за счет финансовых вложений в собственное будущее.

Свободного времени у Макса было много, денег было мало. Зурабов вспомнил, что последние два года в школе их классный руководитель, Нестор Иванович, с горделивым трепетом рассказывал о новой своей работе - то ли о новостном, то ли о культурологическом канале вещания. И, что самое важное, Нестор Иванович этим каналом руководил. И Макс решил поступить так, как учили на лекциях по психологии, которые чем-то напоминали тренинги личностного роста: он решил взять свою судьбу в собственные руки. Макс набрал телефонный номер, и уже через несколько дней приступил к работе, будучи при этом студентом-первокурсником. Этим летом государственные экзамены и дипломная работа были успешно сданы, на магистра Макс решил не учиться, копия диплома психолога теперь украшала стену в его маленьком кабинетике.

Потом Макс привел Лизу. Нестор Иванович так и не разобрался, Лиза ли обаяла Макса с целью получения работы, Макс ли решил приблизить к себе симпатию школьных лет, но Лиза – не отнять – оказалась весьма ценным кадром. Лиза Довгая всегда была звездой – магнитом мальчишеских взоров. Умная, красивая, харизматичная, улыбчивая, с хорошо поставленной речью – прямое попадание на должность ведущей. Родители отправили Лизу в какое-то темное царство престижа и дипломатии, но их смекалистая дочь без споров, истерик и криков тихонько перевелась с одного факультета на другой в рамках одного университета. Переводилась она, к удивлению всего ректората, на специальность реликтовую, а потому совершенно не престижную: на русское отделение филологического факультета. Введя таким образом в когнитивный ступор все университетское руководство, Лиза умудрилась прилежно сдать ака-

демическую разницу и выиграть год обучения, переведясь с первого на третий курс. Вот уже год, как Елизавета Довгая была бакалавром и ведущей канала «Nestor de Liver!», а этим летом получила магистра, доучившись последний год в заочном формате.

Третьим был Павел. После школы Стельцов не изменил своему взбалмошному характеру. Его любовь к последним партам и бессодержательным выкрикам с места нашли отражение в выборе профессии: Павел отправился в столицу малой родины в совершенно дикий, но весьма известный вуз, где царила настолько творческая атмосфера, что выпускники любого факультета вряд ли понимали, какую именно специальность получают.

В стране бурлили процессы полной и безоговорочной интеграции в европейское сообщество. В стране царила такая же творческая анархия, как в вышеупомянутом столичном вузе. То, что раньше в справках стыдливо называли «незаконченное высшее образование», теперь каралось вручением диплома с научной (!) степенью «бакалавр». Большинство недоспециалистов в стране, проучившихся в институтах, университетах и академиях четыре года, теперь козыряли именно такими, бакалаврскими, дипломами.

Таким был и Паша Стельцов. В его образовательном документе значилось маловразумительное «ивент-менеджер, специалист по организации мероприятий». Получив долгожданный диплом, Паша вдруг протрезвел, и радость свободного творчества предсказуемо сменилась печалью неприкаянности. Печаль, как известно, – ржавчина души, и ржавчина эта изъела бы Пашиныу душу до самого основания, если бы не счастливая встреча в пивной «Варяк» с бывшим классным руководителем, учителем истории Нестором Ивановичем.

Произошло это знаменательное событие в первых числах июня. Нестор, будучи теперь человеком публичным, узнаваемым и обремененным ответственностью, в последнее время редко заходил в «Варяк». Раньше здесь всегда можно было встретить Наставника, который, сияя неизменной улыбкой, без счета поглощал разливное пиво из запотевших бокалов и сухеньких кальмаров из хрустящих упаковок. Где же ты теперь, добродушный Кир? В какой такой Взвеси, чужой для тебя, за каким столом и в какой компании пьешь ты свой любимый напиток? Даже Наставники ошибаются. Ошибся и ты, выбрав не ту змейку в личный эскорт. В типовом конторском доме, в таком же, как и дом Нестора на Кисельной, 8, живешь ты с Майечкой и не знаешь, какая тоска поселилась в сердце твоей жены Ларисы. Не знаешь ты, что каждый год в конце июля, в день твоих инсценированных похорон, Лариса надевает черное платье и прогоняет с лица добрую улыбку. Не знаешь? Вот и здорово – ты бы мог этого и не вынести.

8.

На рубеже весны и лета Нестор решил заглянуть в «Варяк». И действительно, какое лето без пива? Нужно было взять достойный старт, а сделать это лучше всего было в царстве величественной Тамары. Она не присаживалась ни на минуту от момента появления в пивной первого посетителя до момента, когда за последним запоздалым гостем закрывалась входная дверь. Точными, размеренными движениями Тамара доставала из морозильных камер запотевшие пивные кружки или пластиковые бутылки на вынос, давала ток пенным струям из множественных кранов, выкладывала на стойку упаковки с копченными и солеными закусками, производила расчет, принимала оплату и возвращала сдачу. Короткими, умелыми фразами – этому не научат ни на одних курсах, ни в одном вузе – успокаивала буйных, обнадеживала отчаявшихся, развлекала праздных, утоляла страждущих. Нестор уважал профессионализм в любом деле, тем более в таком тонком, как обеспечение насущной потребности населения в благодатном напитке, снимающем усталость, рассеивающем недовольство, освежающем в жаркие дни.

В этот жаркий день, в полдень, за дубовым столом, на том же месте, где любил сидеть Кир, теперь понуро глядел в окно на прохожих Паша Стельцов, двадцати одного года от роду. Паше Стельцову вчера сообщили и подтвердили документально, что отныне он ивент-менеджер, специалист по организации мероприятий и пятно это теперь не отмыть до конца дней зем-

ных. Осознание катастрофы обрушилось утром, в момент пробуждения. Павел молча оделся и вышел, даже не пожелав матери, которая управлялась на кухне, доброго утра, в майско-июньскую жару, как в очищающее пламя инквизиторского костра. Вся жизнь теперь представлялась ему позорным аутодафе, где разгоряченные толпы улюлюкают и забрасывают тухлыми яйцами, тушками дохлых грызунов и гнилыми помидорами дипломированных дедов Морозов в нелепых колпаках и нищенских рванинах; где толпы топят ивент-менеджеров в праведном негодовании и заслуженном презрении, перед тем, как палач бросит факел в смоляную солому под дровами костра.

Несколько часов блуждал Павел во мраке тяжких дум и наконец естественным образом направил шаги в питейное заведение. Пока есть пивные и рюмочные, нашему народу не нужны психологи, психотерапевты и психоаналитики. Если бы, например, Макс Зурабов постиг эту простую житейскую мудрость, то, может быть, он в свое время избрал бы иной жизненный путь, чем неблагоприятную тореную-переторенную тропу психолога.

Но в каждой драме обязательно должна наступить кульминация, краткий момент, который Аристотель называл переходом от несчастья к счастью, или наоборот. И такой кульминацией в жизни Павла Стрельцова стала встреча со школьным учителем, классным руководителем.

Нестор Иванович, хоть и сменил род деятельности, но учителем быть не перестал. Бывших учителей, как и бывших врачей, как и бывших офицеров, - вообще не бывает. И как педагог Нестор Иванович без труда распознал Пашину тоску. В разговоре за кружкой пива прояснились мотивы и было найдено решение, простое и предсказуемое: Паша стрельцов пополнил творческую команду канала «Nestor de Liver!». Стрельцов оказался на своем месте, и уже через пару недель Нестор счел нужным доверить ему подготовку эфирного текста. Павел справился на «отлично», чем надолго определил фронт дальнейших своих творческих работ.

Конечно же, в команде Нестора работали и другие спичрайтеры – профессиональные, с отточенным пером и завидным опытом. Но метафоры Павла, непосредственность его суждений, да и сам мировоззренческий ключ оказались настолько меткими, что самые яркие события в мире искусства теперь попадали для предэфирной обработки только на его стол. Таким же тонким созидателем эфирных текстов проявил себя и Макс Зурабов. Только его интересы лежали в несколько иной области: Макс с жадностью хватался за любой материал, имеющий отношение к политической жизни общества. Политика находилась вне зоны освещения идейного прожектора «Nestor de Liver!», но культурная жизнь народов и стран невозможна без влияния политических событий. Каждый художник – дитя эпохи. Пропуская предмет, явление, событие через призму собственных мироощущений, творец, пусть даже не желая того, инфигирует собственное творение вирусом синхроничной суеты. И вот эта синхрония – то самое поле, которое так любит возделывать Макс Зурабов.

Все три сотрудника «Nestor de Liver!» - Макс Зурабов, Лиза Довгая и Павел Стрельцов – находились теперь в кают-компании. Этим мореходным термином команда девятого этажа называла небольшое помещение со столом в центре, офисными стульями по периметру, холодильником в углу и огромной телепанелью в полстены для просмотра текущего эфира. Сейчас звук был выключен, чтобы не нарушать торжественность события: Лиза праздновала двадцать второй день рождения. Она была несколько старше своих одноклассников, потому как была летним ребенком и родители решили отдать ее в школу чуть позже. Но телевизионное изображение никогда не гасло: даже в кают-компании сотрудники канала не должны терять чувство корпоративной солидарности и творческо-трудовой сопричастности к общему делу.

9.

На экране сияла улыбка Моны Лизы. И пусть современная Лиза не была дель Джокондо, а носила фамилию Довгая, да и мадонной она тоже не была, но улыбка ее от этих малозначащих

обстоятельств ничуть не утрачивала загадочной глубины, сулящей созерцателю неизбывную вечность и надежду на бессмертие. Лиза на экране изящными жестами указывала на череду изображений за спиной: мелькали произведения искусства, архитектурные композиции, улицы заморских городов, знакомые и незнакомые люди в статике и динамике. Таким образом, в кают-компании присутствовали как бы две Лизы: одна – в работе, другая – на отдыхе. Нестор Иванович заметил, насколько схожи душевные состояния обеих Лиз, и порадовался, что сумел подарить девушке возможность заниматься любимым делом.

На столе Нестор Иванович определил знакомую папку. Вернее – папки: рабочие материалы были распределены на три части – Зурабову, Стрельцову и другим спичрайтерам канала. Часть материалов ушла в архив, в Тамас.

Кроме неразлучной троицы в кают-компании находилась Лариса. Она замерла стройной статуей у стены, в стороне от ребят. В ее тонких пальцах обычный одноразовый пластиковый стаканчик с белым вином казался изысканным бокалом. У Лизы в руках также был стаканчик с вином. Макс и Павел пили холодное пиво прямо из бутылок. Когда вошел Нестор Иванович, веселый гомон стих и к директору обратились веселые лица ребят, невозмутимо-деловое лицо Ларисы и восторженно-одухотворенное лицо Лизы. В руке телеведущей, той, что была свободна от «бокала» с вином, Нестор заметил разорванную упаковку от подарка, самолично врученного девушке директором в собственном кабинете. Сам подарок, очевидно, уже был изучен, обласкан и спрятан в надежное место – в дамскую сумочку. Природа восторженности Нестору была ясна: видимо, подарок Лизе пришелся к столу, девушку переполняли эмоции, вот и перенесла она – метонимически - отношение к вещице, к дару, на дарителя, что и нашло отражение во взгляде.

Нестор к употреблению сотрудниками спиртного в рабочее время относился совершенно спокойно. Небольшое количество алкоголя в крови спичрайтерам дарило вдохновение и нетривиальность мыслей, а ведущим – свободу движений и задорный блеск в глазах. Тем более в дни значимых событий запрет на служение богу Дионису был бы не просто неуместным, а совершенно немудрым с точки зрения претенциозного искусства руководства персоналом.

Компания ждала слов руководителя. Лиза плеснула в одноразовый стаканчик вина, протянула Нестору Ивановичу. И Нестор, приняв демократичную тару, грянул от души:

- Дорогая наша Елизавета! Думаю, вся команда будет солидарна со мной в том, что ты – наша лучшая находка. Ты – лицо нашего канала, без которого мы уже не мыслим эфир. Оставайся лучшей всегда и во всем! Пусть нам завидуют наши коллеги, потому как с твоим приходом в команду конкурентов у нас больше нет.

И пусть тост был неказист и банален, но встречен он был радостными выкриками (негромкими – кое-где на этаже шла запись). Лиза даже поцеловала Нестора в щеку и сказала с несдерживаемой благодарностью:

- Я тронута! Всю жизнь мечтала о таком. Это же безумно дорого! И с таким вкусом! Вы лучший, Нестор Иванович! – девушка говорила о подарке, но Нестор даже не догадывался, что было скрыто под «старой газетой» и бежевой лентой. Директор с мольбой взглянул на Ларису. Та улыбнулась уголком рта, чуть пожала плечом и сделала вид, что погружена в созерцание текущего эфира. Тайна подарка теперь будет мучать Нестора, а Лариса, наверняка, решила оставаться в этом вопросе безжалостной.

Появление в кают-компании директора как бы спустило некую скрытую пружину: все, кроме Ларисы, засуетились, ребята разобрали со стола свои папки, Лиза перекинула через плечо сумочку (в которой наверняка затаился неведомый подарок).

- Куда же вы? Давайте еще по чуть? – Нестор всегда тушевался при таких ярких проявлениях корпоративной субординации. В достаточно многочисленном коллективе канала «Nestor de Liver!» он был уважаем, может быть даже, - любим, но всегда одинок. Такова судьба каждого руководителя.

- Нет-нет! – за всех ответила именинница. – Мы только вас и ждали. Работы полно. Мне так вообще нельзя больше – впереди четыре интервью.

- С кем? – спросил Нестор, хотя знал – список гостей студии он видел утром в папке «от Ларисы».

- Через сорок минут – с архитектором, - весело отрапортовала Елизавета. - Потом – с часовым интервалом - с двумя художниками, один из них – иконописец, кажется. Вечером – с региональным комиссаром международного биеннале.

- Комиссаром? – переспросил Нестор, а в душе зазвучали неуместная аллюзия – хотя, такая ли неуместная? – строки псевдобелогвардейской песни «Поручик Голицын»: «А в комнатах наших сидят комиссары и девочек наших ведут в кабинет». Вторым голосом тут же откликнулся Сергей Чиграков: «Часу не прошло – комиссар пришел, отвязал коня и жену увел»...

- Обладающий властью, - пояснила Лариса. – Представитель руководящего центра.

- У международных биеннале есть руководящий центр? – поинтересовался Нестор.

Лариса лишь пожала тонкими плечами.

- Вопросы составили? – Нестор Иванович напомнил собравшимся о своей стержнеобразующей роли, одной из функций которой является функция контроля.

- Конечно! – одновременно заулыбались ребята.

- Я для архитектора! – радостно сообщил Павел.

- Я для комиссара, - поведал Макс.

- С художниками работали другие коллеги, - добавила Лариса.

- Ну-ка, дайте мне посмотреть иконописца, - попросил Нестор.

Лариса точным движением открыла третью, общую, папку на нужном месте. Ребята перестали торопиться из кают-компаний по важным делам – все ждали директорского вердикта.

10.

- Что это? – Нестор прижал выбранную строку пальцем руки, в которой был зажат пластиковый стаканчик; несколько капель пролились на лист. – Сырой текст, - улыбнулся Нестор и зачитал цитату:

- «Есть ли среди художников в иконописном цеху своеобразная иерархия – кто чей образ пишет? – (Немой вопрос гостя) – «Ну, скажем, лики святых пишут менее опытные художники, а портрет Спаса – своеобразная награда, оценка уровня мастерства». Что это? – повторил вопрос Нестор.

Ребята молчали, не зная, последует за вопросом шутка или же автора данного спича ждет разнос.

- Хотя... - Задумался Нестор Иванович. – Пожалуй, этот вопрос мы оставим. Но текст действительно сырой. Паша!

- Да, Нестор Иванович, - откликнулся Стрельцов.

- Доработайте вопросы, - поручил директор. - Время еще есть.

- Мой коллега может воспринять такое вмешательство близко к сердцу, - справедливо засомневался Павел.

- Безусловно, - сухо кивнул Нестор Иванович. – Но Вы все равно доработайте.

- И каковы ориентиры? - смирился Павел.

- Вырвите иконописца из рамок христианской традиции, - повелел Нестор Иванович. – Сможет ли он написать, например, лик исламского пророка...

- Так запрещено же, - напомнил Зурабов.

- Неправда, - вмешалась Лариса. – Прямого запрета в Коране нет. Лишь некоторые хадисы запрещают изображать лицо пророка Мухаммеда. – И, встретив вопрошающие взгляды, пояснила:

- Хадисы – это сказания сподвижников Мухаммеда о его жизни. Аналог новозаветных евангелий.

- Иса ибн Марьям, Иисус, сын Марии, тоже под запретом хадисов, - пробурчал Нестор, - однако христианские иконописцы в данном случае мало прислушиваются к советам мудрых сахабов. Но замечание принято: не стоит шутить с жестко фиксированными в массовом сознании религиозными доктринами. Спросите про лик Будды или далай-ламы – они не будут в обиде, буддизм демократичен в таких вопросах.

- В обиде может оказаться иконописец, - тихо сказал Павел, делая заметки в блокноте.

- Спросите о тримурти, о божествах индийской триады, - продолжал, не услышав вставки, Нестор Иванович, - о скандинавских асах... О литературных героях спросите – можно ли работать с ними в иконописном цеху. Нельзя? Почему? В общем, пусть задумается. Да, кстати, по поводу запретов: в христианстве также были периоды иконоборчества. Запреты вводили тем же причинам, что и в исламе: дабы, веруя, не сотворили кумиров. Пусть Лиза поговорит с художником об этом. И пусть беседа будет живой, без всяких манерных «владык» и «преподобий», без «батюшек» и «матушек».

Вот теперь можно было разбежаться по рабочим делам. Павел ушел с потолстевшей папкой – добавились вопросы к интервью с иконописцем. Но Нестор знал, что Макс обязательно поможет однокласснику – ребята часто творили сообща.

Лиза тоже убегала – в примерку. Ее прямой эфир с архитектором через полчаса. Впоследствии запись почистят в монтажной и еще неделю будут включать в программу передач в более компактном варианте. Нестор знал, что у прямых эфиров есть своя аудитория: порой ляпы, заминки, нестыковки и прочие благоглупости радуют зрителя больше, чем мудрое слово, объективная информация или дельный совет. Нестор Иванович улыбнулся забавному зрелищу: Лиза тщетно пыталась затрамбовать в сумочку довольно увесистый бордовый фолиант.

- Что читаем? – спросил Нестор скорее из вежливости, чем ради удовлетворения действительного интереса.

- Ой, я так сразу и не выговорю, - в ответ Лиза прервала сизифовы попытки и зачитала название книги с обложки:

- «Адаптивные стратегии корреляции и ретрансляции обобщенных семантических полей». Автор – доктор Индрин, Глеб Сигурдович.

Нестор изумленно взглянул на том в руках ведущей.

- Откуда у Вас эта книга? – спросил он.

- Преподаватель дал. Ну, вернее, продал, - охотно пояснила Лиза. И тут же торопливо добавила:

- Нет-нет! Вы не подумайте! Я уже закончила университет, так что книгу приобрела не ради поблажек на экзамене. Сама попросила, уже этим летом. Тема книги - вне программы университетской подготовки по лексикологии.

- Глеб Сигурдович преподавал у вас лексикологию? – Нестор Иванович все еще был под впечатлением: какое удивительное совпадение. Хотя чему тут удивляться? Лиза – филолог, по диплому – учитель русского языка и литературы. Специалистов такого профиля готовят только в одном вузе нашего города. Все кандидаты и доктора наук, защищавшиеся по этой дисциплине, преподают именно там. Это не совпадение; это – закономерность.

- Да, - весело подтвердила Лиза. – Один из лучших преподавателей, по независимому рейтингу привередливых студентов. Вы его знаете?

- Немного, - Нестор пожал плечами. – Он сам Вам посоветовал это увлекательное чтение?

- Иронизируете? – Лиза уже стояла в дверном проеме. – И зря: читается достаточно легко. А глава о лингвистической глобализации – так просто детективная повесть. Или шпионский триллер.

- Нет, - заверил Нестор Иванович. – Мне в самом деле интересно, как в круге Вашего чтения вдруг проявилась эта книга.

- Одноклассник посоветовал. Мы месяц назад собирались – повод был. Не все, конечно. Кто смог.

- Женя Гуляйков, - не спросил, а констатировал Нестор.

- Он, - кивнула Лиза. – Приезжал из Штатов. Ой, из Штата – все никак не могу отвыкнуть - по-прежнему называю их собирательно, во множественном числе. Страны нет, а привычка осталась. Женя приехал из Нью-Йорка. Собственно, приезд Жени и был поводом – он всех обзвонил, организовал встречу. Серьезный такой. Работает в какой-то солидной конторе. В какой-то лаборатории по изучению мнения масс...

- В институте Гэллапа. Там изучают общественное мнение, - подсказал Нестор.

- Да! Именно там! – радостно кивнула Лиза. – Когда Женя узнал, что Индрин читал у нас лексикологию, то никак потом не мог успокоиться: познакомь да познакомь. Женя сейчас работает над чем-то инновационным, я, правда, сути так и не смогла понять – не мой профиль. И с Индриным не смогла его познакомить. Кто я Глебу Сигурдовичу? Обычная студентка. Да и читал он у нас на первом и втором курсах – вспомнил меня с трудом, когда за книгой пришла. Этой книгой Женя просто дышит: она основа его передовой работы. Мне странным показалось: Гуляйков занимается маркетингологией, а за основу взял труд филолога. Но, как начала читать, сразу все поняла. Коммуникация – это фундамент любого маркетингологического акта.

- Значит, уже скоро, - задумчиво произнес Нестор, но Лиза не обратила внимания на эту загадочную фразу.

- Бегу! Надо тон наложить, чтобы в кадре не лосниться. Жарко! – и Лиза скрылась за дверью. – Еще раз спасибо, Нестор Иванович! – раздалось уже из коридора.

- Тихо, – автоматически прошептал директор. – Идет запись.

11.

Из открытой двери кабинета лился насыщенный дневной свет: занавеси были раскрыты (жалюзи Нестор не признавал – считал их более уместными в стоматологическом кабинете, в операционном отделе банка или в приемной участкового инспектора). В ярком квадрате на паркетном полу в коридоре играли тени. В кабинете кто-то был.

Манией преследования Нестор Иванович не страдал. Да и с какой стати? Селфиметр показывал два числа – вполне себе обывательские числа, далекие от ста. Не критично. Наганн тоже молчал, не обнаруживая сколько-нибудь интересных целей. Через пару шагов Нестор уже догадался, кто его неожиданные гости. Через минуту директор уже входил в свой кабинет, радостно улыбаясь.

- Папа, привет! – воскликнул Антон, но с места не встал, навстречу не бросился: такое проявление чувств уже не по возрасту и не по чину.

Антону было целых двенадцать лет. В этом году он резко пошел в рост, а потому казался нескладным, таким гадким утенком. Сейчас Антон сидел, поджав ноги, в папином кресле. Его пальцы тиранили клавиатуру компьютера – сын что-то искал в сети: окна открывались и закрывались с такой быстротой, что – Нестор в этом был уверен – никакой возможности не было разобраться в потоке информации. Но Антон явно вышелушивал некие зерна в этом нескончаемом потоке плевел - картинок и текстовых данных.

Нина стояла у окна, спиной к дверному проему.

- Привет, - сказала жена, не оборачиваясь.

- Шли мимо и решили сделать сюрприз? – весело спросил Нестор.

- Мы в город едем, - ответила жена ровно и наконец обернулась, одновременно присев на край подоконника. – Антон по друзьям соскучился, сидит в глуши безвылазно, глаза уже красные от компьютера.

- Так пусть читает, пусть на велосипеде гоняет, - посоветовал Нестор. – К морю – пять минут, если на двух колесах. И ты бы с ним на пляж сходила.

- Вот сам ему и скажи, - Нина указала движением головы на сына, увлеченного игрой бликов на мониторе.

Нестор глянул на Антона и вынес очевидный вердикт:

- Бесполезно.

- А ты попробуй, - коварно напряглась Нина.

- Антоша, - мягко обратился Нестор к сыну, - ты бы читал побольше. Велосипед у тебя замечательный, новый. Катался бы. Тут много ребят в городке. Даже клубы есть.

- Хорошо, - сказал Антон, не прекращая своего занятия, польза от которого была понятна лишь ему одному.

Нестор беспомощно посмотрел на жену: в общении с собственным ребенком весь могучий арсенал педагога высшей категории оказывался бесполезен. На уроке учитель для детей – как натура для художников. Волей-неволей творец-ученик заносит в альбом своего жизненного опыта некие базовые элементы, приобретенные в процессе занятия. Речь идет не только - и даже не столько – о знаниях. Все падает в копилку: слова со всеми нюансами уловленных смыслов и интонаций, характер во временной, от урока к уроку, разверстке, движения, паттерны реакций и поведения. Другое дело, что каждый художник осваивает видимую натуру в формате того художественного стиля, который ближе к его, художника, творческому мироощущению. Натура одна, отображения разные. Вот и отражается учитель в судьбах своих детей в зависимости от их «эстетической» традиции: от классических реалистов за передними партами до маловразумительных абстракционистов за задними.

Собственный ребенок в родных стенах, в обстоятельствах ежедневного общения, также калькирует и переживает, трансформирует в личный опыт натуру своих родителей. Вот только дома учитель уже вовсе не учитель, а совершенно иная ипостась: отец или мать. Дома нет театральных действ, показательных актов, которые входят обязательным компонентом в урок даже самого талантливого, опытного и грамотного учителя. Дома нет масок, дома учитель расслаблен, ведет себя естественно, не пребывая в так необходимом в школе творческом напряжении. И вопрос тут не в том, что поведение родителя может быть неверным с педагогической точки зрения. Нет, учитель по определению не может поступать неверно: порою ошибки более эффективны в аспекте воспитательного и образовательного воздействия. Естественность - лучшее подспорье учителю в классно-урочной деятельности. Но дом – не школа. Здесь нет парт и учительского стола. Здесь нет доски и мела. Здесь все смазано, перемешано и переплетено.

Нина побуждала Нестора вести себя по-учительски: воспитывать, заставлять, подавать пример, проверять, контролировать, принуждать и побуждать к активным действиям в заданном русле. Нестор всячески противился таким методам общения с Антоном. Нестор был твердо убежден, что мотивация не должна быть привнесена извне, мотивация должна произрастать изнутри. Пока Антон не обретет свою, не насоветованную, не вырисованную родителями мечту, все воспитательные акты будут эффективны «чуть менее чем совсем никак».

Но Нина настаивала, а Нестор не желал спорить просто потому, что не сумел бы разостлать эту тонкую просодическую ткань смыслов перед женой. Личный опыт на то и личный, что приобретен в результате внутренней работы разума и души, а не в процессе назидательно-наставительных бесед. Нестор понимал бесполезность (и даже вред) этих назойливых иллюкутивных актов, и осознание это было частью его личного опыта, но личный опыт непередаваем, именно потому, что он принадлежит только одному лицу. Нестор выжидал. Он знал, что Антону просто нужно дать время, и он очнется от подросткового сна. Нина же жаждала действий активных, суетных, а потому – бестолковых.

- Пил? – жена оборвала роящиеся мысли коротким и жестким глаголом.

Взгляд Нины был прикован к пустой коньячке на рабочем столе Нестора. Этот изящный сосуд предательски замер у клавиатуры, радуя глаз стороннего наблюдателя янтарными каплями на сферических стенках. Нестор также глянул на тюльпанный бутон снифтера и загрустил. Творческий задор исчез, благодушие растаяло, настроение сменило модус. Совершенно некстати, не желая того, коря себя за слабодушие, Нестор вдруг стал оправдываться.

- У Лизы сегодня день рождения, - неуверенно сказал Нестор и развел руками настолько нелепо и картинно, что любая другая собеседница уже либо сжалась бы, либо улыбнулась. Любая другая, но не Нина.

- Не надоело? – Нина даже не говорила, она ставила диагноз. – Каждый день. Теперь уже с самого утра начинаешь?

Нестор действительно любил знаменовать начало трудового дня сотней коньяку. Но теперь признать этот факт перед женой – все равно что подписать смертный приговор своим нервным клеткам.

- Что ты! – запротестовал Нестор настолько убедительно, насколько позволяло его мужское естество, чуждое любой неправды. – В честь праздника разговелись, ребята – вино, пиво; я – чуть-чуть коньяку. Вот что ты в самом деле?

Даже невинная ложь во спасение спокойного семейного вечера - и та царапала душу кошачьей лапкой. Так уж повелось испокон в этом историческом ландшафте, что мужчина врать не любил, не хотел да и не умел. Потому-то так тяжело было купцам в изначалье торгового промысла: много времени понадобилось, чтобы перенять заморское лукавство, научиться ценить барыш да свою выгоду. И поныне славянская душа – не торгашеская, наивная. И даже если доведут до края, если зайдется в кровавом мираже славянское сознание, то все одно – разбой привычнее лукавого воровства и ростовщичества. А то и просто – носы друг другу поломают, а после брагу пьют да на судьбу друг другу жалеются. И в традиционном обилие жен и наложниц не было нужды врать женщинам. О чем врать? Гулял сегодня? Так гулял! Что ж, в доме пусто? Так нет же – и дом полон, и душа весела. Что женщин любил? Так любил! Здоров же, и любо было. И ты, жена, улыбнись мне нежно да призывно – и тебя обниму крепко-крепко...

- Ваш чай, Нестор Иванович, - раздался из-за спины спасительный голос. – Здравствуйте, Нина. Здравствуйте, Антон Несторович.

Лариса стояла на пороге кабинета. В ее руке исходила паром огромная чайная кружка. Лариса улыбалась уголками губ: все-то она понимала, все-то она видела. Ценный опыт долгого совместного бытия с Киром многому ее научил, на многое заставил смотреть иначе. Лариса умела тихой водой погасить пламенные языки зарождавшихся конфликтов. Вот и теперь Лариса появилась в нужное мгновение. Нестор был уверен, что минуту-две-три Лариса размеривала темп своих шагов в коридоре с таким прицелом, чтобы появиться именно сейчас – ни раньше, ни позже.

Нина стушевалась, отступила на заранее подготовленные позиции. Ссора была положена на депозит. Знать бы, каковы будут проценты.

- Здравствуйте, Лариса, - Нестор заметил, каких усилий стоила супруге приветливая улыбка. Антон тоже поздоровался под нос, не отрываясь от монитора.

- Я пригласил Ларису на обед в субботу, - торопливо объявил Нестор. – Вино, мясо, дым мангала, свежий воздух...

- Конечно же, вино, - Нина глянула на мужа так же сурово, как до этого смотрела на снифтер. Нестор хотел уже вновь возмутиться бессильным «Вот что ты в самом деле?», но вмешалась Лариса.

- Ну, какой же обед, Нестор Иванович? Скорее, на ужин, - примирительно уточнила она и, ловко обогнув директора, утвердила огромную чашку с чаем на столе возле клавиатуры.

Коньячку Лариса забрала движением иллюзиониста, – во-первых, помыть, а во-вторых, от греха подальше.

- Я очень рада, - «обрадовалась» Нина с прямо противоположной интонацией. – Мы по магазинам хотели пройтись: Антон повывастрал из вещей, из обуви. Себе купальник хотела присмотреть.

- Так Пимен завезет! Сейчас я его предупрежу! – и Нестор, очень желая угодить, чтобы вернуть Нину в состояние благодушное, метнулся к рабочему столу за телефоном – позвонить водителю.

- Не стоит! – резко остановила Нина. – Мы надолго. Антон с ребятами договорился погулять, а я с Викой хочу посидеть у моря – давно уже не виделись.

Нестор хорошо знал Вику. Виктория была свидетелем на их свадьбе, а за некоторое время до этого знаменательного события Вика почти месяц выполняла роль боевой подружки Нестора. Вторым свидетелем был Серега. Он же умудрился стать Нине больше чем другом, спустя значительное время после свадьбы. Это воспоминание не то чтобы тревожило Нестора, но пылилось, как старая фотография, где-то на самых труднодоступных полках памяти.

- У меня деньги закончились, - озвучила Нина причину своего визита на работу к мужу.

- У тебя же есть карта, - напомнил Нестор, хотя уже искал кошелек в планшете.

- Карта пуста, - сказала Нина. – Сняла сегодня с нее последние копейки в банкомате. К тому же мы собирались на рынок зайти. Там карту вставить некуда.

Нестор глянул на Ларису.

- Будет сделано, Нестор Иванович, - кивнула сотрудница. – Обычную сумму?

- Удвой в этот раз, - попросил Нестор; Лариса снова кивнула, но не вышла: понимала, что сейчас директор благодарен ей за присутствие, а вот ее уход может вызвать возобновление семейного конфликта и его эскалацию.

- Спасибо, - Нина приняла пачку наличных и бросила их в сумочку. – До вечера. – Кивнула Ларисе и зашелестела по коридору – обиженной поступью милых ног, обутой в летние мягкие бескаблучные босоножки.

- Пока, папа! - бросил Антон и направился вслед за матерью.

13.

Лариса выждала положенное время, вопросительно взглянула на руководителя – нет ли каких распоряжений? – и также вышла из кабинета. Нестор остался один. Он немного постоял в растерянной задумчивости: работать сегодня больше не хотелось и не могло. Творческий процесс – хрупкая и пугливая субстанция. Потом Нестор решительно взял телефон и набрал знакомый номер.

- Да, господин? – тут же откликнулся глубокий проникновенный голос.

- Что со временем?

- Это тихое время, господин. Следующий визит только через три часа.

- Я сейчас буду.

- С нетерпением ждем, господин, - улыбнулся голос с той стороны телефонного разговора.

– Мы в Вашем распоряжении.

- Да брось ты! – Нестор тоже не выдержал и улыбнулся, почувствовав, как возвращается хорошее настроение.

Перед тем, как дать отбой, Нестор услышал в трубке веселый смех: его действительно ждали – с искренним радушием и безусловным нетерпением. Ждали любого – трезвого или пьяного, молчаливого или говорливого, доброго или злого, веселого или грустного.

Оставив горячий зеленый чай нетронутым, директор перекинул планшетку через плечо, проверил наличие денег, документов, телефона и покинул кабинет. Кают-компания была пуста. Нестор замер и, посомневавшись секунду, уверенно распахнул холодильник и выбрал себе

бутылку светлого пива – в дорогу. Лариса в своем кабинетике с кем-то говорила по телефону. Глянула на Нестора Ивановича с немим вопросом.

- Уехал, - тихо бросил Нестор. – На телефоне.

Лариса кивнула понимающе и вернулась к телефонному разговору. Нестор, оказавшись на просторной лестничной площадке, у раздвижных металлических дверей, нажал кнопку вызова лифта. Вспыхнул красный огонек, ожили электромеханические недра шахты.

В кабине лифта Нестор уже не думал ни о работе, ни об утреннем визите супруги с сыном, ни о конечном пункте своего теперешнего путешествия. Он открыл пивную бутылку при помощи всемогущего перочинного ножика со множеством лезвий, сделал глоток и впустил в разум второстепенные мысли, мысли ни о чем. Вернее: ни о чем таком, что было бы важным и приводило бы к некому значимому решению.

Нестор почему-то думал о Пимене. Водитель был свой, конторский – силовик, Наг Шестого дна. Формально, по иерархии Раджаса, Пимен был более титулованной особой. Но во Взвеси должностная вертикаль распорядилась иначе: Нестор был директором, а Пимен – его водителем и телохранителем. Это Нестору казалось забавным. Пимен был лыс, но не от природы, а попросту наголо выбрит; по возрасту – чуть старше, а по комплекции – много крупнее своего шефа.

Еще Нестор думал о том, как все-таки точно судьба распоряжается именами. Пимен по-гречески – пастух, пастырь, наставник, поводырь. Вот и приставлен Пимен Конторой к Нестору – пасти и вести. Или даже вести, учитывая достижения технической мысли, приведшие к изобретению двигателя внутреннего сгорания.

Черный бронированный автомобиль (настояли специалисты Седьмого дна, памятуя о тревожных событиях) спал, как всегда, в той секции парковки, что была закреплена за девятым этажом. Пимен у лавочки, в тени, флиртовал с юными офисными курильщицами. Девушек здесь всегда было много, они слетались со всех четырнадцати этажей, наполняя пространство вокруг своей живописной стайки ароматами кофе из кафетерия на первом этаже, запахами всевозможных туалетных вод и духов и дымом разнообразнейших сигарет: от тонких цветных slim-ов до тяжелых душистых коричневых соусированных сигарилл. Здесь были всех мастей секретари, администраторы, младшие, ответственные и ведущие специалисты разнообразных ведомств, подразделений, организаций, фирм и учреждений. Средний размер permanently курящей в рабочее время (от восьми до восемнадцати) стайки составлял три-шесть щебечущих ароматных особей.

Заметив шефа, Пимен легко выпал из дымно-парфюмного облака, совершенно нетактично оборвав кокетливые щебетания собеседниц. Работа звала. Конечно же, Пимен не выслуживался перед Нестором – было совершенно незачем. Он просто ответственно относился к порученному Конторой заданию. Назначена роль водителя – значит, никто не должен сомневаться в том, что Пимен действительно водитель.

- Куда едем, Нестор Иванович? – весело спросил Пимен, открывая пассажирскую дверь.

- К бесам! – царственно повелел Нестор и взгромоздился на высокое велюровое сидение. Здесь, за тонированным стеклом, можно было расслабиться. Нестор откинулся на спинку, сделал добрый глоток пива из бутылки и прикрыл глаза, снимая маски, выключая разум.

- Понял! – бодро отрапортовал водитель. Секунда, и черный броневилок тронулся с места по проторенному маршруту - от работы к бесам.

14.

Бесами Нестор называл двух подопечных ему сотрудниц «BES», так называемого агентства сопровождения. Аббревиатуру «BES» девушки придумали самостоятельно, в порыве коллективного творческого вдохновения, и очень этой выдумкой гордились. Расшифровать корот-

кую надпись можно было как «The Bureau of Everlasting Services», «Бюро Вечных Услуг», но авторы сего эндэотнотона прописывали и читали «Everlasting» как «Everlusting». Таким образом они добавляли к семе «вечно длящиеся» услуги сему «похоть» и в результате получали семантическую матрешку «вечно длящаяся похоть». Собственно, похоть и была основным конечным продуктом, производимым Соней и Феей, и девушки непрестанно работали над собой, стремясь повысить качество этого продукта, доведя напряженность похоти своих эксклюзивных клиентов до максимума, а продолжительность напряжения похоти приблизить к абстракции, заявленной в самоназвании, - то есть приблизить к вечности. То, каким образом агентство «BES» оказалось под покровительством Нестора Ивановича, являлось историей давней, длинной и запутанной. Порой Нестор и сам задавался вопросами по этому поводу, но все произошло так, как должно было произойти, и что-либо менять в сложившемся укладе Нестор не хотел, да и не считал себя в праве.

Бесы обосновались в большом городе, а не в маленьком городке под боком у старшего брата, где располагался офис канала «Nestor de Liver!». Путь к ним пролегал по объездной трассе и занимал около сорока минут. За это время Нестор дважды просил Пимена остановиться на обочине возле невзрачных уездных магазинчиков. Пиво в магазинчиках было, но соотношение вкуса, прохлады и цены исчислялось по формуле «два пункта на выбор». Если ты хотел вкусное дорогое пиво, то приходилось брать теплую бутылку: такое пиво здесь было товаром штучным и в холодильник не помещалось. Холодное пиво было мерзким, но зато дешевым, что в подавляющем большинстве случаев определяло выбор потенциальных покупателей. Нестор был терпелив и непривередлив в дороге: он также довольствовался теми сортами пенного напитка, какие ни за что бы не пользовал в ни в городе, ни в городке. Но здесь, у обочины, в июльский жаркий день, на передний план выходила именно температура жидкости.

Легковых машин на объездной почти не было, но зато часто попадались большегрузные фуры – то по одиночке, то целыми вереницами. Так часто бывает на областных трассах портовых городов. И потому дорога, узкая, двухполосная, совершенно не предназначенная для грузового движения, была разбита вдребезги. Пимен с Наговой ловкостью лавировал меж ям, бугров и оплывших кусков асфальта, обгонял фуры, перестраивался и входил в повороты. Нестор же мог позволить себе праздную роль пассажира. Он потягивал дурное дешевое пиво и смотрел в тонированное окно. За окном чернели или зеленели поля: пшеницу давно скосили, землю перебороновали, некоторые площади засеяли другими культурами. Иногда за полями выбиралась на возвышенность деревня, и тогда обязательно можно было увидеть голубеющую под золотыми куполами провинциальную церквушку. Вскоре дорога стала ветвиться, распадаться на разъезды и змеиные многополосные кольца, промелькнул пост автоинспекции и указатель городской черты.

Обителью бесам стал небольшой, но элегантный двухэтажный домик в привилегированном частном секторе. Здесь, на первом этаже, девушки работали, а вернее сказать, принимали желанных гостей. Здесь же, на втором этаже, девушки жили.

Четыре сотки прилегающей территории были густо засажены раскидистыми плодовыми деревьями. Ветви переплетались так густо, что скрывали происходящее за окнами и заглушали звуки даже в зимние периоды, будучи без листвы. Фасадная стена заросла по самую крышу крупнолистным плющом. В эти летние дни казалось, что за стеной забора таится локальное сказочное королевство, где царят свои законы (в том числе, и физические), где замирает время. Именно так оно и было на самом деле. Во всяком случае, так утверждали субъективные ощущения любого посетителя.

Машина затихла в кармане дороги, чуть в отдалении от узкой калитки. Нестор не стал пользоваться дверным звонком. Он набрал телефонный номер. Вызов остался без ответа, но автоматический замок калитки еле слышно щелкнул и теплый порыв ветра приотворил дверь. Нестор кивнул Пимену, немного позвенел пустыми бутылками, складывая их в кулек и пере-

давая водителю, под нос тихо бросил «Часа два...» и направил свои стопы в царство неги, телесных усад и душевного покоя.

Девушки любили удивлять. Обращение «Господин» в телефонном разговоре подсказало Нестору несколько различных вариантов встречи. Нестор готов был увидеть знойных египетских рабынь в черных коротких париках и в золоте роскошных тканей, с густо наведенными синими стрелками глаз. На самом деле, Нестор представлял себе египетских рабынь по сценическому костюму Аиды из одноименной оперы Джузеппе Верди, хотя как историк понимал, что такой наряд – лишь дань театральной условности. Ждал восточных танцовщиц в прозрачных вуалях на лицах, в невесомых одеждах, еле различимых в бликах живого огня настенных светильников. Был готов к согнутым спинам гейш в красных кимоно, с алыми лепестками губ на выбеленных полотнах лиц. Мог даже представить себе латексных сабок с потупленным взглядом, кляпами во рту и собачьими ошейниками на тонких шеях. Но девушки любили удивлять.

Пройдя к дому по узкой аллее, миновав прихожую и переступив порог гостиной, Нестор оказался в плену той эпохи, которую в США называют «тиффани», в Германии зовут «Югенд-стиль», в Австрии - «Сецессион», «Либерти» - в Италии, а во Франции величают «ар-нуво». Другими словами, Нестора окружал антураж модерна.

15.

Стены были искусственно «обшарпанны» - штукатурка была наложена лишь местами, из-под нее проглядывала кирпичная кладка и фрагменты рокальной фрески. Через некоторое время, присмотревшись, Нестор понял, что это всего лишь качественные фактурные обои. Такими же «подуставшими» выглядели искусственно состаренные межкомнатные двери.

Мебели было мало: раритетный патефон расположился на камине, центр комнаты занимал винтажный грубо крашенный стол в окружении таких же стульев. На столе возвышался канделябр о девяти свечах, несколько начатых бутылок красного вина, почти литр коньяку в хрустальном графине, бокалы и пепельницы.

Выдержать металлопластиковые оконные коробки в общей стилистической манере оказалось занятием трудоемким и дорогостоящим, поэтому окна были скрыты от глаз тяжелыми атласными занавесями, отороченными вышивкой и кружевами. Занавеси были фиолетового цвета, как и маленькая, в полстола, скатерть.

На одной стене красовалась коллекция экзотических бабочек под стеклом, а на другой – картина неизвестного художника: обнаженная маха полулежащая с опорой на локоть на бархатном фиолетовом диване. Ноги женщины были отнюдь не целомудренно раскинуты, а грудь, на взгляд Нестора несколько великовата и обвисла. В полусогнутой опорной левой руке маха, пошловато оттопырив мизинец, держала длиннейший мундштук с толстой незажженной самокруткой. В правой руке женщины угрожающе блестела огромная наваха в раскрытом боевом положении. Ладонь, крепко сжимающая рукоять ножа, была непропорционально широкой и могла принадлежать скорее портовому грузчику, чем томной жительнице испанского местечка.

Над столом низко, сталактитом над сталагмитами свечей в канделябре, на длинном двухжильном проводе нависла желтая матовая лампа без плафона; именно она наполняла гостиную мягким неярким светом. Завершали декорации розовый торшер в углу (его купол был обит по нижнему краю серой меховой оборкой) и белый гипсовый бюст в просвете атласных занавесей на подоконнике. На табличке бюста в три строчки красовалась надпись: «Павел Александрович Флоренский, 1883-1937, богослов, философ и поэт».

Конечно же, Нестор не сразу различил все детали. Целостная картина сложилась у него только к концу визита, но первое впечатление было объемным и ярким. Соня и Фея сумели удивить в очередной раз.

Сами девушки устало притомились на стульях по разные стороны стола. Каждая из дам небрежно придерживала тонкими пальцами в атласных перчатках костяной мундштук, такой

же длинный, как у махи на картине. Вот только в мундштуки были вставлены не толстые самокрутки, а тонкие сигареты, лишенные фильтров. Нестор удивился: сигареты тлели, хотя девушки не были курильщицами. Видимо, пошли на жертвы ради целостности художественного образа.

Атлас перчаток был черен у блондинки Сони и бел у брюнетки Феи. Лицо Сони до самых губ, наведенных красной помадой, скрывала густая черная вуаль как продолжение маленькой изящной шляпки без полей. Лицо Феи было открыто. Ее коротко стриженные волосы задорно, по-мальчишески, выбивались из-под лихо сдвинутого набок большого берета. Тело Сони обтягивало сильно декольтированное корсетное платье коричневого цвета. Узкое от бедер до колен, платье распускалось книзу пышным цветком из многоалойной тафты нижних юбок-лепестков. Фея была облачена в белейшую, растянутую до пупка блузу под серым клетчатым жилетом и узкие, облегающие, как вторая, кожа, серые брюки. Поверх жилета спускалось, прикрывая грудь, черное непышное жабо.

Обуты девушки были тоже по-разному: ножки Сони были убраны в дамские тупоносые туфельки грубой коричневой кожи на невысоких массивных каблуках; Феены ступни были заточены в мужские черные лаковые туфли миниатюрного размера.

Ровный матовый свет желтой лампы выгодно подчеркивал искусный макияж, или даже грим, на одухотворенных лицах. Нестор вспомнил выражение Оскара Уайльда: «В обществе женщины бывают только двух родов: некрасивые и накрашенные». Лица девушек были грустны, уголки красивых губ опущены, карие глаза Феи прикрыты веками, зеленые глаза Сони сокрыты за вуалью. Не сразу разобравшись в происходящем, Нестор впал в тревожное состояние, усугубленное выпитым пивом и – как следствие – трудноодолимым желанием облегчиться. Вот это насущное желание Нестор поторопился реализовать в туалетной комнате.

- Что за траур, милые леди? – спросил Нестор, возвращаясь в комнату приемов. – Что за уныние в ваших позах? Что за нуар?

- Ах, mon cher, - глубоко вздохнула Фея, чуть приоткрыв тяжелые веки. – Печаль, как известно, - это ржавчина души, и я просто физически ощущаю, как она изъедает сталь моего внутреннего мира...

- Переигрываешь, подруга, - буднично отозвалась Соня.

- Плесните нам вина в бокалы, наш долгожданный гость, - продолжила игру Фея, не обращая внимания на Сонины режиссерские ремарки, а затем неожиданно продекламировала с некоторым подвыванием:

Не страшно мне прикосновенье стали

И острота и холод лезвия.

Но слишком тупо кольца жизни сжали

И, медленные, душат, как змея (Тут Фея посмотрела на Нестора со значением).

Но пусть развеются мои печали,

Им не открою больше сердца я...

Они далекими отныне стали,

Как ты, любовь ненужная моя!

Нестор выполнил повеление дамы и наполнил, не забыв про себя, три бокала красным вином.

- Не стоит обращать внимания, - успокоила Нестора Соня. Девушка глубоко затянулась, а потом вместе с пеплом вытряхнула сигарету из мундштука в пепельницу. Пригубила вино и взглянула на подругу. – Заигралась она. Мы уже третью неделю в образе. Давно Вы у нас не были, Нестор Иванович. Забыли про нас вовсе. Мы декорации меняем после визита последнего клиента. Еще трое заявлены. Послезавтра будем искать новые образы.

- А сейчас перед нами... - начал Нестор.

- Декаданс, - закончила Соня.

- Почему такой выбор? – поинтересовался Нестор.

- А мы, Нестор Иванович, как и Вы, - подхватила беседу Фея, - по долгу службы просто обязаны слышать эхо дня. Вы работаете с фактами и событиями, мы же организуем события, работая непосредственно с людьми. Уж такое нынче настроение в массах. Упадническое.

- Знаю я ваши массы, - улыбнулся Нестор. – Десяток избранных.

- Полтора десятка, - уточнила Фея. – Плюс-минус. Но именно эти люди и пускают черную жижу меланхолии по всенародным венам. Мы перехватываем настроение масс еще до того, как это настроение до масс добирается. Считываем его на уровне замыслов. И скажу Вам, Нестор Иванович без тени зазнайства и хвастовства: кое в чем мы даже способны на эти кучевые настроения влиять. – И фея снова заголосила в пронзительной тоске:

Печали есть повсюду...

Мне надоели жалобы;

Стихов слагать не буду...

О, мне иное жало бы!

Пчелиного больнее,

Змеиного колючее...

Чтоб ранило вернее,-

И холодило, жгучее.

Нестор понимал, что строки принадлежат кому-то из поэтов эпохи декаданса, но распознать не мог: все-таки он был историком, а не филологом. Он беспомощно взглянул на Соню, и та сжалилась – помогла ему беззвучно, лишь одной артикуляцией ярко-красных губ: «Это Зинаида Гиппиус». И как будто бы для того, чтобы Фея не уличила ее в школьном грехе – в подсказке, вдруг тоже заговорила, почти запела стихами:

Я ищу Афродиту. Случайной да не будет ни странно, ни внове,

Почему так люблю я измену и цветы с лепестками из крови.

Но Фея не оставила «помощь другу» без внимания – сказала громко и четко, обращаясь к Нестору:

- А это Константин Дмитриевич Бальмонт. Но Вы, Нестор Иванович, наверняка и сами узнали. Будем играть или все-таки окружим гостя заботой и вниманием? – это Фея говорила уже Соне.

- Что вы! Мне весьма комфортно! – поспешил заверить Нестор. – Я приехал отдохнуть, услышать ваши голоса, взглянуть в ваши глаза...

Соня улыбнулась, подняла вуаль изящным жестом и поблагодарила Нестора взглядом, бирюзовым, как пояс Нага Первого дна. Плавнo, в полном соответствии с моментом, вывела:

О, женищина, дитя, привыкшее играть

И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,

Я должен бы тебя всем сердцем презирать,

А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!

Фея воспарила со стула с фиолетовой обивкой и двинулась к Нестору вокруг стола, декламируя и заламывая руки в театральном отчаянье:

Я в слабости, я в тленности

Стою перед Тобой.

Во всей несовершенности

Прими меня, укрой.

Не дам Тебе смирения,-

Оно - удел рабов,-

*Не жду я всепрощения,
Забвения грехов,
Я верю - в Оправдание...
Люби меня, зови!
Сожги мое страдание
В огне Твоей Любви!*

Нестор смутился от такого напора. Соня заметила и рассмеялась:

*Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов.
- Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!
А потом добавила от себя:*

- Вы, Нестор Иванович, все равно так просто от нас не уйдете. Барышни в тоске, барышни в печали. Вам предстоит развеять этот мрак. Так что не напрягайтесь, и не будет больно.

Фея, ухватившись за слово «больно», преобразилась. Мальчишеский берет улетел в сторону торшера. Черные волосы, как оказалось, вовсе не были коротко стрижены, а лишь искусно собраны под головной убор. Теперь же они струились иссиними волнами по плечам. Жилет упал на дощатый пол, а последние две пуговицы белой блузы расстегнулись, поддавшись внутреннему напряжению. Выяснилось, что к поясу Феи все это время был пристегнут длинный стек с ременной петлей на конце. Теперь девушка держала это грозное орудие за кожаную рукоять, чуть отведя за спину, как держат катану липовые японские самураи в плохих западных боевиках. Грозная ария в устах девушки отдавалась в душе Нестора томной болью:

*Красным углем тьму черчу,
Колким жалом плоть лижу,
Туго, туго жгут кручу,
Гну, ломаю и вяжу.
Шнурочком ссучу,
Стяну и смочу.
Игрой разбужу,
Иглой пронизу.
И я такая добрая,
Влюблюсь - так присосусь.
Как ласковая кобра я,
Ласкаясь, обовьюсь.
И опять сожму, сомну,
Винт медлительно ввинчу,
Буду грызть, пока хочу.
Я верна - не обману.
Ты устал - я отдохну,
Отойду и подожду.
Я верна, любовь верну,
Я опять к тебе приду,
Я играть с тобой хочу,
Красным углем зачерчу...*

- Что за заклинание? – робко спросил Нестор.

- Все та же Гиппиус, - пожала плечиком Соня. – Стихотворение «Боль». Остерегайтесь, Нестор. Вы завели мою подругу не на шутку. Давайте-ка я Вас спасу. – И девушка поднялась с места, ловко заслонила Нестора от неумолимого наступления Феи и впилась губами в его губы. Закончив долгий поцелуй, Соня прошептала, почти не отрывая губ от Несторовой щеки:

*Ты сумела сказать мне без речи:
С красотой красиво живи,
Полюби эту грудь, эти плечи,
Но, любя, полюби без любви.*

17.

Отвлечись, Нестор не сразу понял, что происходит за его спиной. А когда понял, было уже поздно: его руки были туго прикручены к спинке стула толстой веревкой. Фея провела операцию так быстро и умело, что бороться теперь было бесполезно. Оставалось только расслабиться и стать участником этой «игры в декаданс», отдаться на волю хозяйкам дома, их ловким рукам и стройным телам. Фея властно глянула на Нестора, приподняла его подбородок петлей на кончике стека и вынесла вердикт:

*Зовет меня лампада в тесной келье,
Многообразие последней тишины,
Блаженного молчания веселье –
И нежное внимание сатаны.*

*Ужель ты одиночества не любишь?
Уединение - великий храм.
С людьми... их не спасешь, себя погубишь,
А здесь, один, ты равен будешь Нам.
Соня подошла к подруге со спины, обняла ее за талию и громко зашептала в ухо:
Мне хочется, чтоб ты, вся бледная от муки,
Под лаской замерла, и целовал бы я
Твое лицо, глаза и маленькие руки,
И ты шепнула б мне: «Смотри, я вся — твоя!»*

Девушки переглянулись, легко коснулись губ друг друга губами и многообещающе посмотрели на Нестора, привязанного к массивному стулу.

*Тот, кто слышал напев первозданной волны,
Вечно полон мечтаний безбрежных, - начала Соня.
Мы — с глубокого дна, и у той глубины
Много дев, много раковин нежных, - закончила Фея.*

И вместе с этим четверостишием закончилось время, отведенное для дела, и наступил час, назначенный для потехи. Ровно час – яркий, насыщенный, живой, незабываемый. Час, за который Нестор успел оценить еще одно пикантное достоинство эпохи декаданса: женское белье именно в этот период стало предметом культа. Так и осталось загадкой для Нестора, где в наше время можно найти такие изысканные трусики из тончайшего кружевного батиста и чулки из ажурного, невесомого фильдеперса.

Через час Нестор уже стоял на тенистой дорожке, ведущей от порога дома до калитки забора. Он задумчиво изучал красные следы, продавленные веревкой на запястьях. И что сказать Нине? Может, правду?

- Нестор Иванович! – раздалось за спиной.

Нестор обернулся. Девушки стояли в дверях, одна за другой, - запыхавшиеся, не по-декадантски веселые, полуодетые.

- Вот, - сказала Соня, - передайте от нас привет жене, - и протянула Нестору восхитительную многослойную икебану – изделие мастера-флориста. В букет был вставлен конверт. Нестор осторожно освободил конверт из плена листьев, стеблей и лент, выудил из него записку. От руки, явно – тушью коричневого цвета, изящным женским почерком с завитками было написано:

*Солнечной Нинике, с светлыми глазками —
Этот букетик из тонких былинок.
Ты позабавишься Фейными сказками,
После — блеснешь мне зелеными глазками, —
В них не хочу я росинок.
Вечер далек, и до вечера встретится
Много нам: гномы, и страхи, и змеи.
Чур, не пугаться, — а если засветятся
Слезки, пожалуюсь Фее.*

Нестор не выдержал и рассмеялся – как точно, как тонко, и все написанное – почти правда. Все вопросы исчезли, все печали улетучились. Декаданс остался в гостинной радушного дома.

18.

- Куда? – спросил Пимен, выключая маленький, встроенный в приборную панель телевизор.

- Домой, - сказал Нестор. – Через магазин, - добавил спустя секунду, поскольку понял, что его руки пусты, а в горле сухо.

После пятнадцати минут, проведенных в супермаркете, Нестор сел на переднее сидение с новой бутылкой пива – теперь уже не только холодного, но и настолько достойного качества, насколько это возможно в заданных геополитических условиях. Сделав счастливый глоток, Нестор вспомнил еще одно важное поручение от бесов:

- И позвони там кому нужно: девчонок пригласили на субботник к какому-то городскому куратору. Пусть этот куратор лучше держит лапы за спиной, язык за зубами, а член – в ширинке. В застегнутой ширинке. А то придется мне нанести ему визит.

- Не Ваша проблема, Нестор Иванович! - весело отпартовал водитель. – Позвоню. Будет им субботник на выезде. С танцами, финской баней и экзотической кухней.

Пимен выжал педаль газа, бронированный внедорожник бодро покатился к границе города, чтобы через сорок минут доставить Нестора в пригород, на Кисельную, 8.

Нина возилась на участке – что-то подвязывала, что-то пропалывала, что-то поливала. Нестор решил не беспокоить. Тихо проскользнул от калитки к дому, скинул туфли в прихожей, нашел тапочки в извечном обувном кавардаке и зашлепал на второй этаж, к гардеробной – избавляться от рубашки и брюк. Цветы и записку со стихами Бальмонта он оставил в прихожей, на тумбочке у большого зеркала.

Антон, как всегда, был в библиотеке. Он традиционно крикнул «Привет!» и помахал рукой папе, заглянувшему, чтобы поздороваться и сообщить, что вся семья в сборе. Еще года два назад ребенок обожал книги, читал беспрерывно и помногу, замахивался на достаточно взрослую литературу. Теперь же библиотека на втором этаже между родительской спальней и детской привлекала Антона не обилием книг на полках до потолка, а наличием мощного персонального компьютера. Так что Нестор мог сказать, что его «сын дни напролет проводит в библиотеке», но только не было бы в этой фразе ни родительского хвастовства, ни отчей гордости.

Нестор сменил рабочий костюм на домашний. Дома Нестор ходил по-барски – в тяжелых полосатых халатах, хотя Нина упорно именовала мужа в таком халате узбеком. Но халаты были хороши и удобны, особенно когда отступала жара и в доме начинали гулять от одного открытого окна к другому осенние сквозняки. В летнее время домашний костюм Нестора был представлен двумя дизайнерскими решениями: в трусах при наличии ребенка в доме и без трусов в его отсутствие. Антон в доме был, и Нестор трусы на теле оставил.

Спустившись на кухню, Нестор достал из холодильника ветчину, пару своих, собранных на участке помидоров, взял нарезанный батон, стакан, нож, соль. Разложил все это на столе. Помидоры поставил под струю теплой воды – помыл и присоединил их к натюрморту. Нашел в баре начатую бутылку джина, в холодильнике еще оставался тоник. Из морозилки достал поддончик с кубиками льда и высыпал их в глубокую тарелку. Ужин был готов. Осталось включить телевизор и просмотреть готовый продукт, который слепили сегодня его ребята из отобранных утром материалов.

На экране Лиза, сделав умное лицо, вела беседу с отцом Александром, иконописцем, – широколицым бородатым человеком в посеребренной рясе. Отец Александр сплел колбаски пальцев на округлости живота под внушительным кудрявым крестом из желтого золота. Нестору повезло попасть почти на самое начало передачи.

- Икона, - вещал отец Александр, - это образ, о чем говорит само происхождение слова: от греческого «эйкон». Но не какой-то абстрактный образ, а Образ с большой буквы. Как мы различаем Слово и слова, так же следует различать Образ и образы, в более узком смысле - иконы. Без понимания смысла Образа нам не понять и смысла иконы, ее места, ее роли, ее значения. Бог творит мир посредством Слова. Он Сам есть Слово, пришедшее в мир. Так же Бог творит мир, давая всему Образ. Сам Он, не имеющий Образа, есть праобраз всего на свете. Все существующее в мире существует благодаря тому, что несет в себе Образ Божий.

- Вы сказали, что Бог не имеет образа? – невинно спросила Лиза. – Это значит он без-Образный?

- Ни в коем случае! – запротестовал иконописец. - Русское слово "безобразный" - синоним слова "некрасивый". Так что "без-Образный" - суть не имеющий в себе Образа Божия, не-сущностный, не-существующий, мертвый. Бог же, не имея образа, Сам есть первообраз всего сущего. Весь мир пронизан Словом, и весь мир наполнен Образом Божиим. Наш мир иконологичен.

- Замечательно! – восхитилась ведущая. – Прекрасная онтологическая основа для нашей дальнейшей беседы. Перейдем же непосредственно к искусству иконописи, к самому процессу.

19.

Отец Александр кивнул благосклонно, позволяя такой переход.

- Что же такое икона? – Лиза изобразила жгучий интерес в наивных глазах. – В чем ее отличие от других жанров изобразительного искусства?

- Икона, в собственном и точном смысле, – это когда святую личность пишет святой художник. Все остальное можно назвать иконным портретом, - отец Александр даже подался чуть вперед, что было непросто сделать с его комплекцией и в его расслабленной позе. Кажется, он сейчас скажет, как учитель на уроке: «Подчеркните это определение красной пастой».

- Даже так? – Лиза несколько растерялась – слишком уж маниакально-величественным показалось ей высказывание. – В общении с художниками я часто обращала внимание на то, что многие считают себя гениями, нередко непризнанными... Вы пишете иконы и считаете себя человеком святым? Такой православный вариант гениальности?

- Ну, что Вы, - отец Александр всем своим смущенным видом показал, что это именно так. – Разве я такое говорил? Но – и это без сомнения – рука иконописца подвижна не только художественным мастерством, но и Божьим дыханием. Любая истинная икона боговдохновенна.

- А есть ли некая иерархия в этой боговдохновенности? Как в иконописном цеху определяют, кто чей образ пишет? – Лиза придерживалась опросного плана. И за этими словами действительно последовал немой вопрос гостя.

- Ну, скажем, лики святых пишут менее опытные художники, а портрет Спаса – своеобразная награда, оценка уровня мастерства. Так? – пояснила ведущая.

- Нет, нет такой иерархии, - отец Александр как-то обиделся, погрузился. – Художник, почувствовав зов, знает, кого будет писать. Затем получает благословение настоятеля и приступает к работе. Также весь наш цех может работать в рамках определенного большого проекта. Так происходит при росписи церквей, при реставрационных работах, при изготовлении иконостаса, где композиция и образы выстраиваются в соответствии с предварительными пожеланиями, в рамках общего замысла, общей идеи. Конечно же, есть ученики, подмастерья. Они подготавливают фон иконы, могут прописать фигуры вокруг основного лика: странников, царей, волхвов...

- В чем основная особенность иконного портрета? – Лиза оборвала монолог отца Александра следующим вопросом.

- Главная особенность иконы или иконного портрета в том, - ответил отец Александр, выдержав паузу, - что Образ нельзя написать в профиль или в три четверти. Только анфас.

- Почему? – постаралась удивиться Лиза.

- Изображение анфас, - пояснил иконописец, - это самодовлеющая полнота, ясность, невозмутимость и блаженство.

- О! Вы говорите о качествах, присущих не только святым в православной традиции, - оживилась ведущая. – Будда, далай-лама, разведчик Исаев – тоже невозмутимые, самодостаточные герои. Не получают ли иконописные цеха заказы на изготовление такой, необычной, продукции?

Отец Александр снова взял паузу, теперь более долгую. Во время которой сверлил собеседницу изучающим взглядом. Наконец он продолжил разговор, без энтузиазма, почти сквозь зубы:

- Нет. Мы такую продукцию не изготавливаем. Мы вообще не изготавливаем продукцию. Мы пишем иконы. Икона, как я уже говорил, - это изображение Святого Образа в определенной, строгой традиции.

- Действительно, - ведущая невозмутимо не обращала внимания на сухой песок в голосе собеседника, - икона сильна традицией. Какова же она, отечественная традиция иконописи?

- Мы чтим канон отечественной иконописи, который уходит корнями вглубь веков и соотношен с традициями многих народов, - ожил отец Александр: тема была ему близка, наверняка он читал лекции каким-нибудь семинаристам-первокурсникам. – И сегодня в иконах заметны элементы эллинской, сирийской, коптской, сербской, болгарской, армянской культур. Но и самобытные мотивы занимают достойное место...

- Вы говорите «и сегодня», - ловко перебила Лиза, почувствовав, что беседа может стать для зрителей скучноватой. – Что такое сегодняшняя икона? Просто калька работ прежних мастеров? Или прорывается даже в суровый застывший канон свежее дыхание? Есть ли иконописцы-новаторы?

- Я бы обернул Ваш вопрос вспять. Вывернул, так сказать, наизнанку, - отец Александр позволил себе улыбнуться.

- Давайте вывернем! – улыбнулась в ответ Елизавета.

- Приведу пример, - начал иконописец издали. – «Фабрика грез» снимает некий зрелищный фильм по мотивам каких-нибудь мифов. Ну, скажем античных или скандинавских...

- Таких фильмов много, - согласилась Лиза.

- И насколько точно сценаристы следуют сущностной традиции мифа? – прищурился отец Александр.

- А разве они ставят перед собой такую задачу? – ведущая показала жестом и мимикой, насколько нелепо ожидать такой педантичности от голливудских сценаристов.

- Именно! – художник откинулся на спинку и вновь скрестил пальчики под крестом. - В лучшем случае, сохраняют некие обязательные, узнаваемые атрибуты, так называемые маркеры: не отбирают трезубец у Нептуна или молот у Тора. Но как бы ни издевались создатели

блокбастеров над мифологической основой, миф все равно остается мифом. В угоду зрителю трансформируют, видоизменяют, упрощают, уродуют не сам миф, а совершенно иной продукт. Иконописный канон подразумевает определенную последовательность нанесения красок, фиксированный символизм художественных деталей, работу с обратной и параллельной перспективами, уникальные приемы деформации изображаемых объектов...

Отец Александр впервые за время передачи сделал глоток воды из стакана на столе, который разделял ведущую и гостя студии. А потом продолжил:

- Икона не повествует о повседневных событиях, она изобразительно ведает о делах Божьих, так или иначе отражающихся на судьбах всего человечества. Икона – это отпечаток идеального, предвечного лика Пантократора. Икона – это исконная мифологическая основа, а работы так называемых «новаторов» - это совершенно иной творческий продукт. Пусть современные творцы питаются эстетикой, формами, духом и сакральной сутью иконы. Обратный процесс никак невозможен.

- Огромное спасибо за обстоятельный ответ, - ведущая готовилась подвести черту. И наконец последний, достаточно щепетильный вопрос. Но Вы его безусловно ожидали, поэтому сумеете окончательно развеять любые сомнения у наших телезрителей...

- Вы спросите сейчас о второй синайской заповеди, - уверенно прервал Лизу отец Александр.

- Вы правы, - Лиза всем видом показала, что восхищена проницательностью собеседника. – Двадцатая глава «Исхода»: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им». История знает примеры непримиримого иконоборчества, в основе которых лежат именно эти ветхозаветные слова. Как Вы прокомментируете?

20.

- Ересь иконоборчества весьма опасна, - поморщился отец Александр. - Она лишает религию возможности общаться с верующими посредством святых образов. Икона – зрима, осязаема, общедоступна для понимания. Она позволяет прикоснуться к вере. Конечно же, я говорю о православии, поскольку иконопись – феномен православный. Но, как Вы знаете, Установление Константинопольского собора в восьмьсот сорок третьем году положило конец иконоборческой ереси.

- Жаль, у нас почти не осталось эфирного времени: я бы с удовольствием поговорила бы с Вами о возникновении самого термина «православие», - сокрушенно поделилась Елизавета. - Интересуюсь как филолог. Мы обязательно вернемся к этому вопросу в Ваш следующий визит. Сейчас бы хотела уточнить в рамках сегодняшней нашей темы. Если икона – эффективное средство общения с паствой, не уподобляется ли она в этом случае агитационному искусству? Этаким религиозным «Окнам сатиры РОСТА»? Или рекламным бигбордам на оживленной трассе? С функциональной точки зрения?

Отец Александр напрягся. Елизавета невозмутимо продолжила:

- Вы говорили, что икона зрима и осязаема. Не становится ли, в таком случае, религиозная живопись своеобразной теургической машиной? Машиной для внушения? А внушение, как говорят эзотерики, - это низшая ступень магии. Согласитесь, есть в зрительных образах, из века в век выдерживаемых в традиционном каноне, определенный программирующий, суггестивный эффект. Не переходит ли такое «искусство», - Лиза искусно выделила кавычки интонацией, - в область биоэнергетики, где возбуждаются регрессивные импульсы поведения? Икона ведь не только побуждает смотрящих к некоторым действиям, но и «заставляет» на себя смотреть.

- Очень странная точка зрения, - процедил отец Александр, не сводя со своей собеседницы немигающих глаз. – Искренне надеюсь, что это шутка. Или же весь наш разговор был сегодня лишь рассыпанным бисером.

Нестор не успел оценить ответный выпад ведущей – звук неожиданно пропал. Затем исчезло изображение.

- Привет, - бросил Нестор за спину, не оборачиваясь. Стакан с джином предательски задрожал в руке. – Обнимешь мужа?

Нина, появившись в поле зрения, бросила пульт от бездыханного телевизора на стол, затем молча проследовала к мойке, где принялась по-иерихонски громыхать посудой. Нестор пожал плечами и обновил содержимое бокала: полста джину, сотню тоника, три кубика льда.

- Как поездка в город? – вновь попытался разрядить обстановку, но тщетно. – Как покупки? На такси добрались?

- На такси, - сказала Нина грязной посуде и струе горячей воды. – Хорошо покупки. Только обувь осталось выбрать. Ему все не нравится.

- Ну, и ладно, - утешил Нестор. – Все – к лучшему. Летом побегаешь в старых. Его здесь никто и не видит. А к школе нога еще вырастет, заранее покупать не стоит.

Нина с театральной обреченностью громыхнула тарелками, роняя их в мойку (но аккуратно – чтобы не разбить) и повернулась к мужу лицом, произнеся с максимальной трагичностью:

- Вот за что мне все это? Почему ты не можешь жить, как нормальный человек?

Нестор честно признался, что не знает, за что именно все это досталось его жене, и теряется в догадках, в чем именно заключается упомянутая ненормальность. Но Нина уже включила *regretuum mobile* – звуки, издаваемые мужем, теперь не имели почти никакого значения.

- Ты же пьешь каждый день!

- Но не пьян же, - слабо пытался защищаться Нестор, не правды ради, а лишь по многолетней привычке.

- Это тебе только так кажется! Каждый день! – повторила Нина, сгущая атмосферу горести и отчаянья. – Какой пример подаешь сыну?

- Он парень взрослый – разберется, - Нестор не любил такие вечера. Все уже было сказано многократно и столько же раз услышано. Мать, Софья Николаевна, никогда не позволяла себе вести такие разговоры с Иваном Несторовичем, с отцом. При том, что алкоголь всегда присутствовал в несчетных количествах на столе антикара. Может, потому что Софья Николаевна была второй женой и умела ценить покой того семейного очага, который сама же и создавала? Нестор помнил, что мама всегда относилась к мужу с почитанием, чуть ли не с трепетом; берегла Ивана Несторовича от новых ранений на фронтах нелепых, ненужных семейных войн. Нестор даже не знал, как звали первую жену отца, но по случайно подслушанным обрывкам родительских воспоминаний понимал, что в первом браке отец часто оказывался в ситуациях, подобных сегодняшнему разговору Нестора с женой. Что говорил тогда папа своей экс-супруге? Наверное, шурился по-доброму и старомодно ворчал себе под нос: «Опять включила долгоиграющую пластинку». И снова наполнял бокал коньяком...

- Ребенком вообще не занимаешься! – Нина продолжала наступление по излюбленным направлениям. – Когда в последний раз был с ним в парке? А в кино? Почему я должна думать о том, что ему носить?

- Зато ты не думаешь, чем за это платить, - тихо парировал Нестор, но тут же устыдился: довод был уж слишком меркантильный. Но Нина не обратила внимания – она набрала воздух для последнего, решающего, атомного залпа. И вот грянуло:

- Я даже не в курсе, где искать тебя по вторникам и четвергам! Почему ты не говоришь?! Не рассказываешь?!

- Ты же знаешь... - начал было Нестор.

- Змеиные дела?! – перебила Нина. – А что такое эти твои змеиные дела? Это те дела, из-за которых Лариса осталась без мужа? Или те змеиные дела, из-за которых мы чуть не потеряли Антона?

- Но ведь я же тогда и... - Нестор разозлился – это был запрещенный прием. Какой бы эмоциональной напряженности не достигала очередная ссора, Нина всегда чувствовала, что в такие дебри лучше не забредать. Но слова были уже произнесены. Жена, сама испугавшись сказанного, глянула на мужа глазами загнанного зверя, ожидаемо всхлипнула, ринулась из кухни на второй этаж, где заперлась в спальне, чтобы нареваться вволю. Сегодня Нестору вновь спать на диване. А завтра вторник – змеиные дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.